

The background of the cover is a stylized illustration of a winter scene. A stone bridge with a red path leading over it is covered in snow. A figure in a long, dark, hooded cloak stands on the bridge, looking towards a city in the background. The sky is a mix of purple and blue with falling snow. The overall mood is mysterious and cold.

Дарья Гущина

Потерянные ДУШИ

18+

Семиречье

Дарья Гущина

Потерянные души

Серия «Семиречье», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69775786

SelfPub; 2023

Аннотация

Зима в Семиречье – морозное, сонное и тихое время... но лишь на первый взгляд. Огромный город таит множество секретов. Новые преступления перекликаются со старыми. Реки засыпают подо льдом, уходя из древних полузаполненных подвалов и обнажая страшные находки. В обычных домах обнаруживаются старинные шкатулки с ключами к опасным тайнам закрытых храмов. А по замёрзшему городу бродят, тревожа сыскников и колдунов, потерянные души тех, кто уже отчаялся обрести покой. Третья книга цикла «Семиречье».

Содержание

Дело 1: Тайна тени	4
Дело 2: Чужак	56
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дарья Гущина

Потерянные души

Дело 1: Тайна тени

Семиречье дремало, закутавшись в пушистое снежное покрывало. Давно стемнело, и в столь поздний час по пустынным улицам бродил лишь снег. Он устилал покатые крыши, выбеливая цветную черепицу, и невесомо стучался в тёмные окна, укрывал широкие набережные белыми коврами и искрил в свете колдовских фонарей, укутывал сонные деревья и ложился на холодные лавки. И топтался на крылечках, крался по улочкам, цеплялся за широкие перила мостов и узкие карнизы. И, казалось, всех прогнал с улиц... или нет?

Нет, не всех.

Одинокая тень скользила по набережной, не оставляя следов и не поддаваясь колдовству снега — не позволяя ни укрыть себя, ни убаюкать. У тени была цель, и она достигла её очень быстро, добравшись до древнего мрачного здания на набережной Первого острова.

Длинное массивное строение с широким крыльцом стояло позади двух старых зданий в заснеженном парке — спрятанное за кованой оградой, опоясанное цепочками колдовских фонарей. Тень жадно закужила у здания, то подлетая

до пятого этажа, то спускаясь к первому, заглядывая поочерёдно во все тёмные окна, но без толку. Как всегда, с отчаянием поняла тень. Её снова, в который раз, встречали лишь тьма, тишина и опустевшие кабинеты.

Однако на исходе времени, когда у тени оставалось не более получаса, она заметила слабый-слабый свет в торце здания – в окне полуподвала. Метнувшись к нему, тень присела и коснулась стекла. Нет, снова нет... Древнее колдовство опять не пустило её внутрь, и тогда она постучалась. Сначала робко, а потом заколотила что есть мочи.

За столом, заваленным папками и бумагами, кто-то спал. Тень видела лишь взъерошенную светловолосую голову и стучала-стучала-стучала... Но отозвался не человек. Полосатый котёнок вскочил на подоконник, внимательно посмотрел на тень, мазнул лапкой по стеклу и отчаянно замыкал. И дозволялся-таки.

Человек – молодой мужчина – поднял голову, выпрямился, протёр глаза и изумлённо уставился на котёнка. Точно его не должно тут быть. А после встал и подошёл к окну. Тень снова застучала по стеклу, а котёнок замыкал пуше прежнего. Мужчина всмотрелся в окно, но, к отчаянию тени, никого не увидел. Конечно, ведь для него – северного колдуна – там никого не было.

Однако колдун, не видя, всё-таки верил. Знал о том, что тени-невидимки существуют. И о том, что животные, в отличие от людей, видят чуть больше. Он внимательно посмотрел

рел на котёнка, о чём-то тихо спросил и выслушал мяукающий ответ. Тень замерла: поймёт или нет?.. Мужчина кивнул, метнулся к столу, стянул со спинки стула тёмную зимнюю куртку и выскочил из комнаты. Тень собрала в кулак все свои силы. Он и здесь её не увидит. Но нужно дать знать, что ей нужна помощь. Очень.

Мужчина появился на улице быстро – всё такой же взъерошенный, в наспех наброшенной куртке, почти выбеленной снегом.

– Кто ты? – спросил он хрипло. – Где ты?

В его ладони свился водяной клубок, в ногах закрутились змеи чёрных ручейков – но как северное колдовство поможет тени?.. И получится ли у неё помочь самой себе?.. Тень вздохнула, подалась вперёд и крепко обняла колдуна. Тот сразу вздрогнул, будто что-то почувствовал.

– Так ты здесь? – повторил он тихо.

И всё – время тени кончилось. Невидимый поводок дёрнул её обратно, и она снежным ветром понеслась мимо тёмных зданий, даже не успев понять, ощутил ли колдун присутствие бесплотной невидимки. Поверил ли в неё – всё-таки. И сможет ли выручить. Или найти другого спасителя.

Однако сегодня ей впервые за долгое время повезло. Значит, надо постараться снова вырваться из плена – завтра.

Матушка Шанэ проснулась привычно рано, но вставать ей не хотелось. В очаге потрескивали поленья, в ногах урчал

кот, в комнате стоял сонный сумрак, а за окном лениво кружили крупные хлопья снега. И она позволила себе лениво понежиться под тёплым одеялом – и почти задремала...

В дверь тихо постучали.

Сев, матушка прислушалась. Стук повторился – по-прежнему тихий, но настойчивый.

– Иду, – она откинула одеяло и потянулась за халатом.

Если что-то и случилось, то нестрашное. Иначе стук был бы совсем другим.

За дверью обнаружилась служанка Ййрэ.

– Утра доброго, матушка, извините, – в своей обычной манере протараторила Ййрэ. – Я вас не разбудила? Я бы ни-ни, но там снаружи парень, который сыскной колдун. Уже час как ходит у чайной туда-сюда. Я и дверь открыла, и позвала, а он чего-то смущается.

Мьёл может, мысленно согласилась матушка Шанэ. Когда дело касалось сыскной работы, она не видела человека (и колдуна), более уверенного в себе и своих силах. А вот когда дело касалось, скажем, призраков – то есть неизвестного...

– Позови снова, – попросила матушка. – Скажи, я жду. И пусть наверх поднимается.

А сама поспешила переодеться, умыться и привести в порядок волосы. И даже чай успела заварить, когда в дверь снова стукнули – да, смущённо.

– Заходи, сынок! – крикнула матушка Шанэ, расставляя на столе чашки. – Разувайся и за стол! Замёрз поди!

– Да не очень, – отозвался Мьёл с порога и быстро добавил: – Вы извините, не хотел вас будить...

– Мы, старики, спим мало и встаём рано, – она улыбнулась. – В чём дело?

Колдун разулся, снял куртку и выдал как на духу:

– Сегодня ночью мой кот заметил на улице призрака. А когда я вышел из архива, этот призрак меня... обнял.

– Так-так, – матушка Шанэ налила в чашку чай. – Садись, сынок. Выпей чаю и выдохни. Мне нужны подробности.

Мьёл послушно сел за стол, в три глотка осушил чашку и рассказал.

Пользуясь отпуском начальника и полным отсутствием дел, он вспомнил о приглашении главы Колдовского ведомства и напросился в архив – добывать для Иххо утраченные знания о её странном островном даре. Архивы (как и бумажную работу вообще) колдун ненавидел всей душой и рад был бы заглядывать туда на час-другой, но и мастер Рьен в любой момент может вернуться, и глава Колдовского ведомства, разраза такая, допуск дал всего лишь на неделю. Видимо, чтобы сыскник не лез в чужие дела и разгребал только нужное. А нужного архивариусы натаскали столько, что оно на столе не помещалось. И всё такое для Иххо полезное...

– У меня всего три дня осталось, а папок навалом. Короче, разбирал я их, разбирал... и уснул. А проснулся оттого, что кот орёт. Я так и не понял, матушка, как Угорь пролез в архив, – всё ведомство защищено от речных проток и прочего

колдовства. А он как-то пролез. Я просыпаюсь, а он сидит на подоконнике, по стеклу скребёт и орёт.

– Ты никого не увидел, но в присутствие невидимки поверил? – матушка внимательно посмотрела на колдуна.

– После тех невест с проклятого моста как не поверить? – Мьёл поёжился. – Да и, знаете, ночью же снег валил. В общем, смотрю я в окно, а там... пустое место. Даже снега не было. В воздухе. Там, где мог бы стоять человек, снег... не падал. И не разлетался, и не ложился, и... не падал. Таял, что ли, на подлёте... Понимаете?

– Понимаю, – кивнула она, доливая в обе чашки чай. – И когда ты вышел на улицу, то увидел то же самое?

– Ну да, – колдун снова зябко повёл плечами, хотя на кухне было очень тепло. – А потом призрак обниматься полез. Ледяной, зараза... И я думаю, матушка, что это женщина. Мужик бы не полез. Да и ростом она мне вот так, – он провёл ребром ладони по своей ключице. – А вы знаете, почему его снег не касался?

– Нет, – расстроено призналась матушка Шанэ. – Но я узнаю. Обычно что снег, что дождь проходят сквозь дух как сквозь нечто несуществующее, если он не колдун и не умеет быть материальным. А если умеет, то всё как с человеком. Я узнаю, сынок. В моей семье работали с разными призраками. И такой наверняка встречался.

– А дальше что делаем? – уточнил Мьёл.

Матушка откинулась на спинку стула, мелкими глотками

допила чай и решила:

– Спустись-ка в чайную и позавтракай, а я пока оденусь потеплей. А после прогуляемся. Сходим к Колдовскому ведомству. Осмотримся.

– Думаете что-то там найти? – заинтересовался колдун, вставая.

– Призраки – как люди, – она улыбнулась, – притягиваются к знаковым местам и тоже оставляют следы. Если дух пришёл к ведомству, значит, там служит нужный человек. Или дух при жизни служил там сам. Больше пока ничего не скажу. Поглядим, сынок, не оставил ли призрак подсказок.

Зима в Семиречье была сырой и пронзительно ветреной в открытых местах. И как ни кутайся, а всё равно или сыростью проберёт, или продует. И сколько согревающих амулетов к одежде и обуви ни цепляй, а всё равно через час-другой в тепло захочется.

Матушка озябла ещё на реке, хотя до главного здания Колдовского ведомства ходу на лодке всего-то полчаса – на западную часть Первого острова. Но, несмотря на сырой морозец, она любила северные зимы. За снег, которого на Юге не увидишь. За светлые вечера и ночи. За удивительные зимние радуги. За увлекательные забавы людей – снежно-ледяные городки, коньки, горки. И за необыкновенно уютное тепло в домах, которое ценишь лишь тогда, когда сильно замёрз.

Колдовское ведомство владело шестью зданиями – тремя на набережной и тремя в глубине острова. И сейчас к ним уже вовсю тянулись чёрно-синие цепочки людей – колдуны выныривали из речных протоков в нескольких шагах от места работы, а обычные люди, закутанные по глаза, спешили со всех ног.

– Хорошо, народу много, – шепнула матушка Шанэ, то и дело поскальзываясь и крепко держась за локоть Мьёла. – Нас не заметят.

Хлопали двери. Звучали отрывочные приветствия. Хмурилось снежными тучами небо. Из булочных тянуло свежей выпечкой, а из чайных – мёдом и травами. И по-прежнему горели среди деревьев колдовские фонари, к которым слетались погреться взъерошенные пичуги.

Матушка с Мьёлом свернули с оживлённой улицы на узкую тропу к старому парку. Среди его заснеженных деревьев виднелись три массивных здания – два почти вплотную друг к другу, одно позади.

– Нам надо к дальнему, – сообщил колдун. – Архив там.

А спустя минут пятнадцать, когда они добрались до места, Мьёл указал на полуподвальное окно в торце:

– Вот тут.

Матушка Шанэ достала мешочек с песком и огляделась, но здесь людей не было, лишь из-за деревьев доносились обрывки приветственных утренних разговоров.

– Ищите, – прошептала она, выпуская помощников.

Серые псы тут же разбежались по парку, коты отправились изучать ведомственные стены и окна, а стервятники вспорхнули к крыше. Матушка же, аккуратно подобрав полы длинного пальто и платья, присела напротив окна.

– Есть тут что? – не вытерпел колдун.

Сам он осматривал здание архива несколько раз – и ночью, и под утро, – но не заметил ничего необычного.

– Есть, – прищурилась матушка. – Есть следы. И котёнка тоже. Оба метки оставили – как царапины на заиндевевшем стекле.

Она ухватила за протянутую руку Мьёла, встала, и колдун в очередной раз за это утро поёжился – матушкины глаза горели призрачным голубым огнём.

– И ещё есть, – прошептала она, невидяще глядя перед собой. – На всех окнах первого этажа. На дверях. Призрак много раз хотел войти, но не получалось. Потому что защита, сынок. Древнее здание – и древняя защита от призраков.

– Да ну? – Мьёл ухмыльнулся. – А ведомственные по всему Семиречью ищут дома с защитой от призраков, над стеной колдуна Ру бьются – а то, что у них под носом, не замечают. Ходят на работу каждый день – и не знают.

– А что на третьем этаже? – матушка Шанэ подняла голову. – Там на двух окнах больше всего меток.

– Кажется, отдел секретных разработок, – вспомнил колдун. – Но нас туда не пустят даже с открытым делом об убийстве и запросом от нашего главы. Я пока в архиве сидел, вся-

кого наслушался. Там так всё секретно, что даже глава Колдовского ведомства не рискует без спроса приходить. На четвёртом этаже вроде опытные. А на пятом... не знаю.

– Да это и неважно, – матушка Шанэ тряхнула головой, и её глаза стали обычными, чёрными. И очень расстроенными. – Следов призрака нигде нет, только метки на окнах. Откуда он пришёл и куда делся, мои так и не учуяли. А пойдём-ка к крыльцу.

– Зачем? – насторожился Мьёл. – Внутрь вас не пустят. А если и впустят, то о тех, кто работал на третьем этаже, ничего не скажут. Имена сотрудников секретного отдела даже не все местные ведомственные знают.

– Жаль, – матушка поджала губы. – Тогда пока расходимся, сынок. До вечера. Во сколько призрак явился?

– Сразу после полуночи. Вроде ближе к часу.

– Я приду к девяти вечера, – решила матушка Шанэ. – Мы недавно прошли мимо булочной, а её держит моя землячка и давняя приятельница. Зайду к ней на чай и понаблюдаю за архивом через помощников. Думаю, успею досюда добежать. А ты, – она строго посмотрела на колдуна, – отправляйся-ка спать. Ночь может быть... интересной.

– И точно будет, – согласился Мьёл. – Если призрак вернётся.

– А он вернётся, сынок. Одна-две метки – случайность или знакомые лица. А вот десятки... Призрак очень хочет зачем-то сюда попасть. Знает о защите, бьётся, обманывает-

ся, но вновь и вновь рвётся внутрь. Каждая царапина – потраченные силы, за день-два столько не оставить. Он не одну луну пытается пробиться в ведомство. И он вернётся, – повторила матушка и попросила: – Проводи меня до лодки, пожалуйста, больно скользко сегодня. И обязательно поспи.

Но у колдуна появилось дело поважнее. В крайнем случае можно подремать вечером в архиве. А пока...

– Служащие Колдовского ведомства? – переспросила Иххо, озадаченно посмотрев на Мьёла сверху вниз – со стремянки. – Пропавшие без вести или странно умершие? А в какой период?

– Не знаю, – честно ответил колдун. – В любой.

Иххо поставила на полку две последние папки, подровняла ряд и закрыла шкаф.

– Дел не должно быть много, – торопливо добавил Мьёл. – На колдунов редко покушаются. И они к нам редко обращаются – сами обычно ищут и находят. И казнят, бывает, тоже. Это против правил и законов, но ведомственным плевать. Мы с ними из-за этого чаще всего и грызёмся. Утопят ночью преступника – у нас нераскрытое дело, а они довольны. Правда, не должно быть. И у всех папок чёрная полоса на корешке.

– Видела одну недавно, – вспомнила Иххо, осторожно спускаясь вниз. – В отделе общих правонарушений. Нет, две. Найти? А зачем?

Колдун коротко объяснил и подытожил:

– Если матушка отловит призрака, а тот окажется бывшим сотрудником Колдовского ведомства, то к его главе надо идти во всеоружии. Иначе он нас сразу пошлёт – далеко и навсегда. Говорю же, не любят они с нами работать. Давай я у нас поищу, а ты в архиве общих правонарушений? Съят взял на себя Городской архив и газетные подшивки. Да, знаем мы пока мало, но для начала хватит. А после, надеюсь, матушка Шанэ поможет и добудет уточняющие сведения.

– В кражах тоже посмотрю, – пообещала Иххо. – Дела к тебе в кабинет принесу. Написать по итогам?

– Имена хотя бы, – кивнул Мьёл. – Ближе к полуночи.

Девушке очень хотелось узнать, что он накопал о даре островитян, но колдун сразу предупредил: всё, что найдёт, отдаст своему наставнику. Он и решит, что и в каком порядке рассказывать. И чему обучать. Иначе это как куски хватать вместо нормального обеда: и не поешь толком, и плохо будет – и мало чему научишься, и мало что поймёшь, и разочаруешься.

Однако Мьёл, сложив и убрав стремянку, обернулся и подмигнул:

– В архиве много интересного и полезного. Маловато, чтобы училище открыть, но самое важное поймёшь.

Иххо неловко улыбнулась:

– Спасибо.

– Ищем, – скомандовал колдун.

Ровно за полчаса до полуночи матушка Шанэ сердечно распрощалась со своей подругой-булочницей и поспешила к зданию Колдовского ведомства. Из помощников, боясь вспугнуть призрака, она выпустила лишь стервятников, и те зорко наблюдали обстановку с удобных карнизов. Матушка знала, что призрака пока нет, но всё же решила прийти пораньше.

Как оказалось, не зря.

Призрак появился сразу после полуночи – вынырнул из проулка между двумя первыми ведомственными зданиями и сразу же устремился к торцу третьего. Матушка Шанэ поотстала, поэтому сначала увидела призрака глазами помощников – и едва не споткнулась от удивления. Ибо прежде таких духов ей видеть не доводилось. Более того, ни о чём подобном она даже не слышала.

Вместо мерцающего призрака у окна в полуподвал находилась тень – почти обычная, но без «своего» человека, слишком далеко от колдовских фонарей, объёмная. И снег – лёгкий, пушистый, крупными хлопьями – действительно её не касался, лишь беспокойно мельтешил рядом, чётче обрисовывая контуры тени.

Матушка Шанэ осторожно достала из кармана пальто крохотную свечу и отправилась на встречу с тенью. А та поскреблась в окно, в отчаянии стукнула по стеклу, оглянулась и, заметив матушку, замерла.

– Я хочу помочь, – матушка откинула с головы капюшон, оставшись в пушистом платке. – Тот, кто вчера тебя заметил, позвал меня на помощь. Я – духовидец. И я тебя вижу. И не только я. Позволь подойти ближе.

Тень, помедлив, настороженно кивнула.

Матушка Шанэ приблизилась, но и в трёх шагах от себя увидела то же самое – тень. Не совсем, впрочем, обычную. Тени от людей всегда искажённые – то торс вытянут, то руки или ноги, то голова. У этой же не было ни искажений, ни преломлений. И вновь матушка отметила, что тень не плоская и «лежащая», а объёмная и «стоящая». Чёткий (и снова прав Мьёл) женский силуэт – невысокий рост, пушистая коса, длинное приталенное платье – словно живой, но затемнённый человек.

– Чтобы понять тебя лучше, мне надо зажечь свечу, – мягко предупредила матушка Шанэ. – Я – колдунья. И мой огонь, и мои свечи колдовские. Возможно, ты слышала обо мне – я матушка Шанэ, южанка, хозяйка чайной на Третьем острове.

Тень вдруг часто-часто закивала, и её хрупкие плечи ослабились. И матушка тоже внутренне расслабилась. Она всё ещё не понимала, что за странный призрак ей встретился, но с любым человеком проще работать, если он тебе верит.

Матушка Шанэ зажгла свечу, прошептала южное заклятье – и случился новый сюрприз. Свеча загорелась совершенно обычным огнём – никакого указующего цвета, никакого кол-

довства. Обычное свечное пламя. И если прежде матушка была готова признать в тени истощённого призрака, чьи силы выпил колдун, то теперь она вообще перестала что-либо понимать.

– Кто же ты? – поражённо спросила она.

Тень сникла.

– Ты мертва или жива?

Тень покачала головой и пожала плечами.

– И где ты находишься, конечно, тоже не знаешь? – матушка Шанэ пытливо всмотрелась в «призрака».

Тень снова пожала плечами.

– Но ты сюда приходишь... то есть ты здесь работала? – матушка собралась с мыслями и зашла с другой стороны.

Тень отчаянно закивала: да-да!

– Те два окна на третьем этаже, где больше всего царпин, – твой рабочий кабинет?

Тень снова закивала.

Матушка Шанэ грустно улыбнулась:

– Ты приходишь сюда за помощью или за ответами, а внутрь попасть не можешь? Почему только в это время? Только ночью, когда здесь обычно уже никого нет?

Тень вновь беспомощно пожала плечами.

– А можешь сказать, как давно приходишь? Луну, две, три? – продолжала матушка.

Тень огляделась, указала на снег и покачала головой. А после томным жестом прижала ладонь ко лбу и начала обма-

хиваться второй рукой.

– Жарко было? – догадалась матушка. – Всё началось летом?

Тень снова быстро-быстро закивала.

– В прошлом году?

Да.

Матушка задумчиво подняла голову, посмотрела на тёмные окна и медленно произнесла:

– Мои помощники – тоже призраки. Внутрь попасть не смогут. Но смогут поднять меня до третьего этажа. Как думаешь, стоит попытаться взлезть в твой кабинет через окно? Или чревато?

Тень испуганно замотала головой.

– И от людей тоже защита, конечно, – матушка огорчённо поджала губы. – Секретные разработки?

Тень кивнула.

– А имя своё ты помнишь?

Тень опустилась на колени и начала писать, но со снегом при её прикосновении случилось странное – он растаял. Растёкся чёрной водой, обнажая каменные плиты. Тогда тень снова метнулась к окну, присела, но успела нацарапать на стекле лишь одну букву. И исчезла – точно ветер налетел, подхватил её и унёс. Стервятники Ясэ и Янэ рванули следом, но вернулись быстро и злые.

Тень исчезла. Испарилась, не оставив ни единого следа. И помощники так и не поняли, как и где именно она скрылась.

– Однако же кое-что у нас есть, – подбодрила матушка Шанэ и носком сапожка постучала в окно.

Мьёл прибежал быстро, на ходу застёгивая куртку.

– Ну что? – спросил встревоженно.

– Ты угадал, это женщина. Она работала здесь, на третьем этаже, в отделе секретных разработок. Прошлым летом с ней что-то случилось, а её имя начинается на букву «бэ», – рассказала матушка. – Дальше сами. Думается, в таком отделе молодые да ранние не работают, так?

– Так, – подтвердил колдун. – У нас только после сорока лет на тайный отбор в секретный отдел приглашают, и тут, скорее всего, так же. А какие именно окна? Покажите ещё раз. Зацепки хорошие, спасибо. А как она умерла, вы не поняли?

– Честно говоря, сынок, есть у меня подозрение, что она жива, – смущённо призналась матушка Шанэ. – Но это надобно уточнить. Я сегодня же отправлю к своим на Юг помощника. Он быстрее туда-сюда слетает. Мои должны знать.

– Разве живые могут приходить призраками? – удивился Мьёл.

– В том-то и дело, что это не призрак, – матушка набросила на голову капюшон. – Это тень. Я никогда таких не видела, даже истощённые призраки выглядят иначе. И свеча смолчала. И мои помощники след потеряли. Но – да, сынок, в некоторых случаях дух может покидать тело. Очень ненадолго – срок до часа. Но это только догадка.

– А что за случай? – въедливо уточнил колдун. – Между жизнью и смертью?

– Чаше всего так. И больше путать ни тебя, не себя догадками не буду. Ждём ответа от моей семьи.

– И копаемся в архивах, – согласился колдун. – Если об исчезновении колдуньи заявляли, с такими приметами мы точно её найдём. Осталось придумать повод, чтобы вломиться к главе Колдовского ведомства, – он недовольно скривился. – О служащей из отдела секретных разработок говорить только с ним.

– Я ему напишу, – глаза матушки Шанэ недобро прищурились. – Сам тебя пригласит да с утра пораньше. Будьте готовы.

– Чем припугнёте? – Мьёл ухмыльнулся.

– Отделом секретных разработок, сынок, – матушка тоже усмехнулась. – У нас на свободе призрак, который очень много знает и много интересного может выболтать. Если, конечно, вовремя не решить его проблемы. Проводишь меня до лодки?

– Минуту, – колдун достал из кармана куртки письмо, и оно сразу же слабо засветилось. – Иххо пару часов назад прислала записку... и тут имени на букву «бэ» нет. Но она ещё ищет. Найдём.

– А сдюжите? – искоса глянула на него матушка Шанэ. – Без начальника-то?

– Конечно, – уверенно сказал Мьёл. – У Сьята тоже голова

что надо. Погодите, я ему записку набросаю.

– Иххо молодец, – Съят вытянул из стопки папок нужную. – Она это дело всё-таки нашла.

Оставшись за главного, рыжий помощник Рьена с удобствами расположился за начальственным столом и, несмотря на за полночь, задержался на работе. И, как заметил Мьёл, успел не только стопку дел изучить, но и вздремнуть. Своей запиской он Съята явно разбудил – тот едва успел умыться и заварить крепкий чай.

– Что за дело? – колдун снял куртку и плюхнулся в кресло.

– Колдунью зовут Бьюра, – Съят открыл папку. – Летом прошлого года она таинственно исчезла.

– Пока всё в точку, – кивнул Мьёл.

– Ей пятьдесят три года, – начал основательно излагать рыжий. – Замужем, две взрослые дочери. В Колдовском ведомстве служит без малого тридцать семь лет. Как окончила училище в шестнадцать – так сразу и подала документы в Колдовское. На тот момент там служил её дядя, так что приняли Бьюру без проблем. Сначала, как водится, три года архива и следующая ступень обучения, потом – наставничество над новичками, а после пятидесяти лет – сразу отдел секретных разработок.

Колдун снова кивнул – и это тоже в точку.

– Про отдел, кстати, муж в конце концов сообщил. Колдуны или упирались, или не знали, – заметил Съят и про-

должил: – Тем летом Бюра с семьёй на две луны уехала в отпуск. У ведомственных так: чем вреднее должность – тем больше отпуск. У мужа своя лавка, тоже мог себе позволить. А на следующий день после возвращения в Семиречье Бюра пропала. Утром она вышла на работу, в обед собралась прогуляться по набережной и заглянуть в булочную или чайную. Последней её видела личная помощница – женщины разошлись в парке. С тех пор Бюра точно испарилась.

– А поиск по крови? – нахмурился Мьёл.

– Ничего не дал, – качнул головой Сьят. – И ведомственные колдуны, и наши столкнулись с неожиданным – кровь молчала. Скажи-ка, кстати, это возможно?

– Если тело сразу уничтожить – да, – подтвердил колдун. – Способов, если тебе и это интересно, множество. Если Бюру начали искать, скажем, только вечером или на следующий день... Да трёх часов хватит, чтобы тело до золы спалить. А нет крови – нет ответов, где тело. Прах – штука молчаливая и бесполезная.

– Её начали искать поздним вечером, – рыжий перевернул страницу. – Она всегда возвращалась домой вовремя или предупреждала, что задерживается. Очень ответственная особа. Дома она была обычно в семь. В восемь её муж написал дежурным в Колдовское ведомство, а там посмотрели журнал посещений и отметили, что она не возвращалась с обеда. И завертелось.

– Спалили тело, – Мьёл нахмурился. – Или она всё-таки

жива. Если в водяной мешок спрятать – вроде того, в который я преступников пакую, – кровь тоже будет молчать.

– А сколько в нём можно прожить? – заинтересовался Сьят.

– Ну... – колдун задумался. – С луну, если воду пару раз в день обновлять. К ней добавляются «пузырями» молоко, соки, жидкие каши, чтобы кормить. Ну и отходы жизнедеятельности тоже вымываются. Человек и сыт, и чист, и спрятан. И новая вода обновляет воздух. Но после надо вынимать хоть на время. Мы в такие мешки опасных колдунов всегда пакуем – которых даже в защищённых камерах оставлять опасно, взломать могут. Так вот: они в мешках с ума сходили. Замкнутое пространство, полусон-полуявь, нехватка нормальной еды, воздуха и движения – и ага. Тело тоже ослабевает без нагрузки, сердцедохнет, хроника обостряется. Человек может умереть в любой момент – внезапно и быстро.

– То есть если Бьюра жива, её всё-таки выпускали?

– Воздействие – и всё, – Мьёл пожал плечами. – Чтобы не дёргалась. А если колдуны прекратили поиски – если похититель знал, что прекратили, – то спокойно мог выпускать её даже на несколько дней и держать под воздействием. А потом обратно в мешок на всякий случай.

– Значит, знал... – записал на отдельном листе Сьят. – А кроме мешков что-то есть?

– В смысле, чтобы кровь молчала? Для живого человека

нет. Для трупа есть, но это вредные способы. И долгие – сутки-другие возни с телом. Из известного всё.

– А наша пропажа трудилась в отделе секретных разработок... – рыжий задумчиво погрыз кончик пера и начал быстро листать дело.

Мьёл посмотрел на него и зевнул в кулак. И снова. И опять.

– Иди спать, – Сьят поднял голову. – Нам завтра к мастеру Гьирibu прорываться и добывать сведения о работе Бьюры – явно в ней всё дело. Соображать надо хорошо.

– А если не получится? – колдун встал. – Прорваться?

– Я нашему главному напишу – он точно ещё не спит. Пусть решает. Хотя я за то, чтобы мы сами закрыли дело. Тут решать-то нечего.

– Ты что, уже всё понял? – удивился Мьёл.

– Иди, – Сьят тонко улыбнулся. – Завтра всё узнаешь. И приведи себя в порядок. Мастер Рьен бы тебя в таком виде даже на порог не пустил.

Мьёл потёр небритый подбородок, расправил закатанные рукава мятой рубахи, в которой пробежал последние полтора суток, и упёрся:

– Ведомственные колдуны и сыскники две луны искали и копали, но ничего не нашли, а ты полчаса полистал дело и всё понял? В чём соль, друг?

– В том, что со стороны виднее. А ещё в чрезмерной уверенности и неверии, – спокойно ответил рыжий. – Скажи-ка

как колдун: можно ли обмануть заклятье правды?

– Нет, – сразу заявил Мьёл. – Даже у самого простого – пятнадцать оттенков чёрного. И полуправду, и увёртки оно махом уловит и даст знать.

– А невидимость всё-таки существует?

– Да нет же. И ещё лет сто её точно не придумают. Будут обходиться воздействиями, подменами, актёрским гримом, заклятьями с морочными масками и прочим.

– А у тебя есть шанс раскрыть это дело. И мастер Рьен бы раскрыл, если бы родственники не к дежурному с заявлением обратились, а напрямую к нам. А так дело попало в общие правонарушения и к новой группе, да и колдуны эти гордые... – Сьят поморщился и придвинул к себе стопку чистых листов. – Спать иди. Завтра всё узнаешь. Я не буду разбрасываться обвинениями, пока не проверю данные и не уточню кое-что кое о ком.

– И у этого чуйка... – проворчал колдун. – Откуда вы такие берётесь...

– Вот паскуда старая! – Мьёл хмуро прочитал письмо и взглянул на часы. – Нашёл же, как подгадить!

Письмо с приглашением для двоих сыскников пришло минуту назад. Часы показывали ровно десять, а глава Колдовского ведомства назначил встречу на десять пятнадцать.

– Ты не успеешь. Хотя... – колдун заинтересованно прищурился на Сьята. – Ты же рыжий, как островной. А давай

проверим тебя протокой на скрытый дар?

– Да нет во мне никакого дара! – Съят вжался в спинку стула: колдовства он побаивался. – Ни скрытого слабого, ни спящего! Точно говорю: нет! А рыжий я по прабабке, а прабабка была коренной северянкой в энном поколении. И колдовского праха у нас в семье тоже нет. Как и сказок про страшные островные традиции.

– Ладно, живи, – ухмыльнулся Мьёл и снова взглянул на часы. – Тогда так: я сбегая к Улло, передам, чтобы он готовил лодку, и на встречу. Раз ты у нас голова, то я буду тянуть время. Давай свои бумажки.

Съят быстро сгрёб со стола папку с делом Бьюры и свои заметки:

– Уточняй факты. Скажи, все старые дела – а это уже старое – по правилам положено проверять. Уточняй всё – данные о пропавшей, итоги поисков – прямо по тому, как в деле изложено. С самого начала. А там и я подойду.

Колдун накинул куртку и взял бумаги:

– Жду.

Он открыл протоку и уже через восемь минут, попутно заглянув к лодочникам, оказался у главного здания Колдовского ведомства. Быстро поднялся в приёмную, показал дежурному письмо и тут же отправил его почтой Съяту. И явился к кабинету мастера Гьирiba за три минуты до назначенного времени – даже дело в коридоре пролистать успел.

– Однако вы ко мне зачастили... – вместо приветствия

сердито протянул из-за рабочего стола мастер Гьириб.

– Однако доброго утра, – Мьёл тоже был сердит и собран.

Он сел на стул напротив главы Колдовского ведомства и прямо спросил:

– Так вы хотите разобраться с исчезновением Бьюры или нет? И живой её увидеть? Если да – сотрудничайте, если нет – хорошо, мы уйдём. Но труп всё равно найдём, а жить с тем, что вы её не спасли, хотя могли, вам, – и лицемерно добавил: – Хотя когда вас это волновало...

– Не хами, – погрозил пальцем мастер Гьириб. – Я не твой начальник, парень, терпеть не буду. И сейчас ты сидишь на этом стуле, потому что прав. Да. Я очень хочу узнать, что случилось с моей лучшей сотрудницей и, кстати говоря, ученицей. И спасти её тоже хочу. Но где доказательства, что она жива?

– Ждём, – туманно ответил Мьёл, ничуть не сомневаясь в опыте матушки Шанэ, хотя подтверждения от неё пока не было.

– Но даже если доказательств нет... – глава ведомства тяжело откинулся на спинку стула. – Истина тоже важна. Как и найденное тело и могила. Спрашивай.

– Сначала проверим точность фактов, – колдун открыл папку. – Так положено.

Ради встречи мастер Гьириб явно отвлёкся от важных дел – он постоянно поглядывал на часы и отвечал быстро, сухо, лишь бы побыстрее перейти к сути. Мьёла повторный вопрос

тоже раздражал, как и всякая кабинетная работа. Он был честен не только с окружающими, но и с самим собой, и давно признал, что ему проще догнать и скрутить преступника, чем вычислить его по фактам – в этом направлении мозги у него работали не очень. Но раз сейчас обстоятельства сложились именно так...

Осторожный стук в дверь стал облегчением для обоих. Колдуны дружно выдохнули, и Мьёл сообщил:

– Это Сьят. Он замещает мастера Рьена... во всём.

– Не вовремя начальник-то ваш отчалил, не вовремя... – проворчал глава ведомства и повысил голос: – Заходите!

Мьёл едва не ляпнул, что они вообще-то больше десяти лет в сыском деле и на заднице в кабинете, перебирая бумажки, не сидят, но мудро прикусил язык. Не дело это – уважаемое начальство своим поведением позорить.

Сьят, оставив пальто на вешалке в коридоре, вошёл, вежливо поздоровался, представился и сел на второй стул.

– Продолжим, – сухо сказал мастер Гьириб. – Все связи Бьюры и мы, и сыскники проверили по несколько раз. Её семью – родителей, братьев и сестёр до десятого колена, её друзей – до начальной школы и друзей её друзей, её приятелей и случайных знакомых. И, конечно, сослуживцев – всё Колдовское ведомство, от личной помощницы Бьюры до архивариусов и дежурных. После так же проверили связи мужа и детей – и семейные, и дружеские, и приятельские, и рабочие. А заодно и связи друзей-приятелей. Во всех проверках

использовалось больше десяти разных заклятий правды, но так ничего и не выяснилось. Бюра отправилась к набережной через парк в начале третьего часа дня и исчезла – вот и всё, что нам известно.

– На улице её тоже никто не видел? – осторожно вмешался Сьят.

– И мы, и вы проверили правдой всех работников булочных и чайных – как по пути на набережную, так и на пути к месту работы, – ответил глава Колдовского ведомства. – Лодочников, художников, мошенников и постоянных гуляк тоже всех не по разу опросили. Бюру никто не видел. Она неведомым образом испарилась в парке посреди бела дня.

Сьят забрал у Мьёла дело, вытащил первый лист и положил его на стол:

– Пожалуйста, посмотрите, верен ли портрет пропавшей. Это она?

Глава глянул искоса и сердито уставился на сыскников:

– Если это шутка, молодые люди, то несмешная и неуместная. Это не Бюра. Это её старшая дочь. Они в чём-то внешне похожи, но это не Бюра. Откуда у вас этот портрет?

– Нарисован со слов личной помощницы, которая последней видела Бюру живой и, как я понял, была её доверенным лицом, – спокойно сказал Сьят. – Полагаю, у ваших колдунов на руках был такой же портрет, и именно поэтому пропавшую никто не опознал. Она никуда не исчезала – её увели под воздействием. Просто заморочить головы тройке сыск-

ников и пятёрке колдунов, внушив, что на портрете изображена именно Бьюра, проще, чем всем работникам закусовых и набережных. Кстати, муж и дети пострадавшей, по описаниям наших сыскников, во время следствия оказались странно невменяемыми – вроде как от горя. И никто не смог ни портрет Бьюры найти, ни описать толком её внешность. Да и вы тогда отсутствовали.

– Молодой человек, – мастер Гьириб посмотрел на рыжего как на несмышлёныша, – вы в колдовстве хоть немного понимаете?

– Я в другом понимаю, – невозмутимо отозвался Сьят. – Во-первых, сотрудников отдела секретных разработок наверняка мало кто знал в лицо. Наших, например, знают только главы трёх отделов, глава Сыского ведомства и его ближайший помощник. И даже в архиве их дел с именами и портретами нет. То есть если Бьюру искали обычные колдуны, то они даже в воздействии не нуждались – слепо поверили помощнице. А во-вторых, это же отдел секретных разработок. Бьюра сообщала, что именно они разрабатывают? Рассказывала об идеях и начинаниях? Или докладывала лишь о готовности очередного заклятья или артефакта? Вы знали обо всём, над чем отдел работает?

Мастер Гьириб помрачнел, глянул на него исподлобья и признал:

– Нет. Обо всём – не знал. Бьюра докладывала лишь о заказах – о конкретных оплаченных заказах. Или о моих лич-

ных указаниях. Чем они занимались между делом, меня интересовало мало.

– То есть они могли придумать и то, что обманет заклѣтье правды, а вы об этом ни сном ни духом? – в лоб спросил Сьят.

Повисла тишина. Теперь уже оба колдуна уставились на рыжего со смесью изумления и недоумения.

– Это же вы рассказы в «Вестник Семиречья» пишете, да? – мастер Гьириб опёрся о стол. – Что вы ещё нафантазировали?

– Это не фантазии, – рыжий тонко улыбнулся. – Всё возможно и всё существует, пока не доказано обратное. Если появился запертый замок, значит, к нему есть ключ. И невидимость тоже вероятна, пока её пытаются придумать. И заклѣтье правды обойти можно. Когда придумали яды, то подобрали и противоядия, так? И к вашей правде наверняка есть «противоядие».

– Вы очевидно полагаете, что помощница Бьюры, Льеса, и есть похитительница? И она смогла всех обмануть? – после новой затяжной паузы сухо уточнил глава.

– Это была одна из версий, пока не оказалось, что портрет – подделка. Теперь я именно её и подозреваю, – кивнул Сьят. – Расскажите о Льесе. Всё, что знаете.

В этот момент на столе вспухла чёрная лужа с письмом.

– Это тебе, – мастер Гьириб протянул записку Мьёлу. – Или всё-таки нам.

Мьёл развернул записку и прочитал: «Матушка просила передать, что женщина жива, и это точно. Иххо».

– Матушка Шанэ уверена, что Бьюра жива, – сообщил он. – И лично я ей верю. А вы?

Глава ведомства кашлянул и быстро заговорил:

– Льесе шестьдесят один год. Одно время я думал её главой отдела поставить – она обязательная, исполнительная, обстоятельная, умная... Но вот творчества в ней маловато. Помощница – да, отличная: и Бьюра, и её предшественник Дьит всегда были Льесой довольны. Но выше должностью – нет. Живёт одна. Мужа похоронила несколько лет назад – он чем-то сильно болел. В то время она продала дом и переехала в комнатуху гостевого дома, чтобы устроить мужа в хорошую больницу, но лечение его не спасло. Детей нет. Насчёт родственников не знаю, но в деле читал, что она приютская. Коренная северянка и семиреченка. В Колдовском ведомстве работает с шестнадцати лет, как и большинство из нас. До секретных разработок занималась то зельями, то артефактами, но на самом деле документацией – сама мало что делала, зато отлично составляла описания и отчёты. Сейчас Льеса временно замещает Бьюру. Вот, пожалуй, и всё.

– То есть она лет десять сильно нуждалась в деньгах, а самый быстрый способ хорошо заработать – это продать на сторону секреты новинок, – хмыкнул Сьят. – Она же сама ничего нового не придумала, ничего себе ради премий и продвижения по службе не присвоила? Конечно, нет, это опасно,

раз все знают, что в ней мало творчества. Кстати, помните убитого Эльяса из дела о пропавшей могиле и вашу опытную разработку в стене его дома? Которую придумали десять лет назад? В то время Льеса уже работала в отделе?

– Как раз год как пришла, – мрачно подтвердил мастер Гьириб. – И уж кого я точно не подозревал – больно исполнительна... Думаете, Бюра узнала? Но ведь проще же убить, чем похитить.

– Извините, не соглашусь. Убить не так-то просто, – возразил Сьят. – Вот я, например, боюсь мертвецов – и я бы тоже похитил. Для начала. А дальше – по обстоятельствам. Или припрятал бы до побега, а после письмо с местоположением подбросил, или дальше бы использовал. Но сейчас гадать об этом бесполезно. Предлагаю сначала спасти Бюру. А там и правду узнаем.

– Как? – скептически поднял брови глава. – Если она, по-вашему, умеет обходить заклятье правды? Пытать будете? Немолодую женщину?

– А я, кажется, понял, – вставил Мьёл. Во время беседы он сидел молча, уставившись в пол, а теперь его глаза горели вдохновением. – Я понял, как она обошла правду. И без пыток всё расскажет. Почти без.

Мастер Гьириб недоверчиво фыркнул, но обсуждать (и осуждать) это заявление не стал. Лишь спросил:

– От меня что потребуется?

– Портреты Бюры и Льесы в ближайшее же время. И

дальнейшее сотрудничество, – Съят аккуратно сложил бумаги и встал. – У меня есть пара идей. Позже напишу. Но очень прошу вас пока не тревожить Льесу. Мы приходили из-за чего угодно, но не из-за неё, Бьюры или утечки секретов. Придумайте причину. Пустите слух. Даже посмейтесь над нами – например, из-за того, что теперь мы оба к вам в архив просимся: Мьёл – ещё на неделю, я – навсегда. Только не тревожьте Льесу.

– Понял, – кивнул мастер Гьириб. – Согласен. Жду. Всего доброго, молодые люди.

– Как ты понял, что портрет-то поддельный? – прошептал Мьёл, когда сыскники, откланявшись, покинули ведомство.

– А у нас уже было похожее дело – лет двадцать назад, – отозвался Съят. – Оно и в архиве значится как «Дело невидимки». Только тогда мы искали девочку из приюта, которая ухитрилась подменить в личном деле свой портрет на выдуманный уличным художником и сбежать. А за полгода до побега она постоянно и всем подряд корчила такие рожи, что после никто не смог толком вспомнить, какое же у неё нормальное лицо. Эту «невидимку» год искали, но так и не нашли, а во взрослом возрасте она сама заглянула в приют и рассказала, как удрала. Мне об этом деле как-то приятель рассказал. И заодно я вспомнил про нашего южанина, который «чёрная невеста». Он был – невиданный случай! – невосприимчив к воздействию. Так почему же, подумал я, кое-кто не может быть невосприимчивым к правде?

– Скажите, матушка, а как далеко дух может уйти от тела? – спросил Сьят.

Время близилось к обеду, но в чайной уже было полно замёрзших гостей, поэтому матушка Шанэ пригласила сысчников в тёплую беседку и сначала заставила обоих поесть. И лишь за чаем разрешила заговорить о делах.

– Недалеко, – ответила матушка, убирая со стола грязную посуду. – Расстояние зависит от того, как душа привязана к телу – ещё крепко или уже не очень. Чем слабее связи – тем дальше расстояние и больше времени дух может пребывать вне тела. Но время – это всегда час-полтора, а расстояние – недалеко. Я проверила все здания ведомства в парке – на всех трёх одинаковая защита. Мы такую называем «ни войти – ни выйти». Если бы не она, я бы сказала, что Бюра где-то там – где-то в одном из трёх зданий. Но с такой защитой она бы не вышла наружу. То есть её надо искать в крайних домах на ближайших к парку улочках.

– А там одни булочные да закусочные, и никто нас туда с обыском не пустит, – фыркнул Мьёл и недовольно зажевал медовый пряник.

– И живёт наша подозреваемая в гостевом доме на Десятом острове... Мы не будем рыскать по чайным, нет. Пойдём другим путём, – рыжий снова внимательно посмотрел на матушку: – Ваши помощники живых находить не умеют, так?

– Увы, – матушка Шанэ вытерла руки полотенцем и снова

взялась за чайник.

– Но они ощущают так называемые вещи из могилы? – уточнил Сьят. – А конкретную вещь из могилы на конкретном живом человеке найдут?

– Ах ты, хитрюжка! – матушка одобрительно улыбнулась. – Найдут, сынок. А если это будет сильный амулет да с моим колдовством, то и под землёй отыщут, и под водой, и на любом расстоянии – хоть в границах Семиречья, хоть в соседних городках.

– Так что нам делать-то? – не понял Мьёл.

– Сначала подбросить Льесе вещь из могилы, – просто сказал рыжий. – А после попросить мастера Гьириба дать ей такое поручение, чтобы она побежала к своей начальнице. И всё. Я почти уверен, что Бьюра жива лишь поэтому – она и её знания до сих пор нужны. Если бы Бьюра просто узнала об утечке секретов – да, я соглашусь с мастером Гьирибом, её проще быстро убить. Но она жива – заметьте, с конца лета. Значит, не всё наша преступница из Бьюры вытянула. Значит, побежит к ней, если нужда заставит.

– За Бьюрой кто-то должен ухаживать и присматривать, – хмуро заметил Мьёл и взял второй пряник. – Кормить, поить, мыть, здоровье проверять. Льеса, что ли, сама после работы проверяет? Или помощники есть? Хотя, наверное, сама. В таком деле слишком много людей – это опасно.

– Может, потому дух Бьюры и вырывается на свободу лишь после полуночи, – добавила матушка Шанэ. – После

проверки её погружают или в этот твой новый мешок, или просто в новый глубокий сон на сутки – до следующего вечера. И она ускользает.

Сьят мрачно посмотрел в полупустую чашку и нервно повёл плечами:

– Я бы не рисковал. Можно, конечно, понаблюдать пару дней, однако... Мы пришли в ведомство. Слухи просочились. Если Льеса забеспокоится...

– А с поручением нет? – хмыкнул колдун.

– И с поручением – да, – огрызнулся рыжий. – Тоже встретится. Или нет. Никогда не узнаешь, пока не проверишь. У тебя есть идея получше?

– Мальчики, не надо, – быстро вмешалась матушка Шанэ. – Не ссорьтесь. В любом случае за Льесой присмотрят мои помощники – спокойная она будет или заподозрит что-то. Надо всего лишь до вечера подбросить ей нужный амулет. А после, даже если мы не успеем, мои ребята защитят Бьюру.

– Ладно, – выдохнул Сьят. – Давайте к вещи. У вас есть такая, чтобы Льеса её обязательно взяла и надела?

– У меня есть такое заклятье, – улыбнулась матушка. – И это почти обычное воздействие, сынок. И амулет с мертвеца тоже подберу.

– Если вы любую сделаете нужной, то вот, – рыжий вытянул из нагрудного кармана безрукавки серебряную цепочку. – В отделе вещдоков попросил. Под расписку. Потом вер-

нужно.

– Ты когда успел? – удивился Мьёл. – Я в прошлый раз мастера Хыта неделю уговаривал какую-то мелочь на час выдать!

– Я предусмотрительный, – скромно ответил Сьят. – Я его героем пары рассказов сделал, и с тех пор мы приятели. Сгодится?

Матушка Шанэ взяла цепочку и поморщилась:

– Какая старая... Смерти три видела, раз пять в могиле побывала и всегда подолгу под землёй... Чья она? Или это секрет?

– Конечно, нет. Это вещь убийцы, – объяснил рыжий. – И вы насчёт всего правы – и три смерти, и пять раз в могиле, и подолгу. А история такая. Одного парня в училище сильно дразнили. В какой-то момент он поехал крышей и решил убивать обидчиков, чтобы другим неповадно было. А цепочка принадлежала его бабушке – она говорила внуку, что вещь колдовская, но велела похоронить вместе с ней. Когда наш убийца собрался на дело, он про цепочку вспомнил, понадеялся на колдовскую помощь и выкопал её. Задушил жертву цепочкой. Снова закопал, чтобы бабушка в Мире вечных вод не гневалась. Через год снова выкопал и убил. И снова цепочку бабушке вернул. Через два года опять убил, хотя училище давно закончил, – злопамятный оказался. И опять цепочку в могилу.

– А-а-а, – протянул Мьёл, – вспомнил. Дохлый такой

хмырь, безобидный с виду. Его года три назад казнили.

– Ага, – Сьят кивнул и продолжил: – Всего обидчиков было то ли шесть, то ли семь, но уже с четвёртым убийством не сложилось. Парень заподозрил неладное и аж до мастера Рьена от страха дошёл. Мастер ему поверил. Мы помогли с защитными амулетами и установили слежку. С поличным тогда не взяли, но вспугнули. А главное, парень выжил, немного рассмотрел убийцу и заметил цепочку. Убийца наш её снова к бабушке прикопал, но нервный был и шумел сильно. Смотритель кладбища его заметил, проверил с утра могилу и нашёл цепочку. А после прочитал мою статью в «Вестнике» – мастер Рьен велел написать, вдруг кто-то опознает. Смотритель тут же сообщил нам, и мы по бабушкиной могиле нашли внука.

– Он даже не упирался, – добавил колдун. – На допросе всё выложил, да ещё и с гордостью. Туда ему и дорога.

– Так сгодится вещь? – Сьят брезгливо посмотрел на цепочку.

– Вполне, – кивнула матушка Шанэ.

– А что ещё нужно? – поинтересовался Мьёл. – Нам уйти?

– Если есть слабина – мечта, душевная трагедия, страстное желание – заклятье крепче жертву схватит, – сказала матушка, вставая. – Оставайтесь, колдовство несложное. Только посуду со стола уберём. И голыми руками потом вещь не брать. Вам не навредит, но на Льесу может подействовать слабо.

Она достала из ящика буфета пару мешочков с песком.

– Она мужа потеряла, – сообщил Съят и встал, чтобы помочь. – И детей никогда не было.

– Легко поймается, – матушка Шанэ подбросила на ладони цепочку, и та хищно сверкнула серебряными звеньями.

Когда со стола убрали всё, включая скатерть, матушка высыпала в центр песок из одного мешочка, что-то прошептала на южном, и песок замерцал. Она положила сверху цепочку, достала щепотку песка из второго мешочка, выдохнула заклятье и кинула песок на стол. Над цепочкой повисло пыльное облако, и матушка снова что-то зашептала. И с каждым её словом песок и металл цепочки сияли всё ярче.

Мьёл улучил момент, наклонился к Съяту и прошептал:

– Без обид, друг, но ты не думал, что Льеса тоже под воздействием? Что она – лишь исполнитель?

– Думал, – еле слышно отозвался рыжий. – Однако она владеет уникальным колдовством и умеет обманывать правду. То есть она точно важное звено в цепи. Будем брать.

На амулет Льеса попалась сразу – Мьёл оставил цепочку на полу гостевого дома, в коридоре, в десяти шагах от комнаты колдуньи. И даже успел заметить по следящему артефакту, с какой жадностью Льеса схватила и сразу же надела украшение – матушкино воздействие оказалось убийственно сильным и точным.

После этого нужно было только ждать, а ждать пришлось

почти неделю – вопреки предположению Мьёла, лично колдунья за похищенной начальницей не присматривала. Ровно в восемь утра Льеса покидала гостевой дом, ровно в полдесятого появлялась в Колдовском ведомстве, ровно в два часа дня шла на обед, причём всегда обедала в одной и той же чайной, ровно к трём возвращалась. И ровно в семь вечера она выходила из Колдовского ведомства, чтобы лодкой добраться до дома.

– Слабая, – заметил Мьёл быстро. – Протоки делать не умеет. А не ходит ими, потому что это дорогое удовольствие. Скорее всего, склянки с заклятьем им дают, но на всякий случай и не на каждый день. Даже час перехода протокой три дня делать. Не напасёшься.

Неизвестно, на что тратились деньги Льесы, но одевалась она скромно, её вещи были поношенными, а обувь старой. Мастер Гьириб заметил, что работает она до шести, а то и в пять как начальница уйти может, но она всегда ждала семи часов – чтобы бесплатно вернуться домой с ведомственным лодочником.

Всё это и не только сыскники, ни разу не попавшись Льесе на глаза, узнали через матушку и её помощников в первые же два дня слежки. Неизвестным оставался лишь один момент – где Бюра. И в конце концов Сьят всё-таки написал мастеру Гьирибу, рассказал о проблеме и попросил осторожно расшевелить колдунью. То есть дать ей срочное поручение, с которым ни Льеса, ни её команда из секретных разра-

боток быстро не справятся.

– Она всё время ходит на обед в одну и ту же чайную, – задумчиво произнёс на седьмой вечер наблюдений Сьят, разламывая ложечкой очередное воздушное пирожное.

– Мы тоже, и что? – возразил Мьёл, допив очередную чашку крепкого чая.

– А то, что сегодня с утра я в эту чайную всё-таки заглянул, – рыжий хмуро глянул на колдуна. – Знаешь, какие там цены? Дороже, чем у матушки, в два раза, хотя ничего особенного они не варят. Чай как чай. Еда как еда. А Льеса? Ты же её видел. Она не может купить себе новые зимние сапоги, зато ходит пить чай в самое дорогое на острове заведение? Где к тому же толком не поешь – там только чаи и сладкое?

– Чайная ближе всего к зданию архива, – заметил колдун. – И из её окон красивый вид. Хотя ты прав, да. Это чайная не на каждый день. Я бы в такую раза два-три в луну ходил, не больше, и то если бы там что-нибудь выдающееся варилось.

– А Льеса ходит каждый день, кроме выходных... – Сьят на нервах быстро прикончил пирожное и спросил: – А её можно незаметно проверить? Чайную?

– Нет, – мотнул головой Мьёл, – у них же всё в защите – и от проток, и от воров. Хотя... – он взял чайник. – Можно попросить матушку и её помощников спереть из этой чайной что-нибудь важное. А у меня есть хороший приятель в отделе краж. Вот такой обыск, как при поисках воров, возможен.

Но это если цепочка не работает.

– Я волнуюсь, – признался рыжий. – Очень хочу найти Бюру живой.

– Все хотят, – колдун слил в чашку остатки чая. – Съешь ещё пирожное и уймись. Не дёргайся, этим ты никому не можешь, – и сурово подытожил: – В полях тебе почаще работать надо. А то сидишь вечно то в рассказах, то в архивах, то в отчётах.

Сьят вздохнул, признавая его правоту, и придвинул к себе третью тарелку с пирожным. Телосложение рыжий имел пожизненно худощавое, поэтому поглощал сладкое в неприличных количествах без ущерба для себя. Однако едва он взялся за ложечку, как закрытая дверь кондитерской приоткрылась, словно от порыва ветра. Гости кондитерской – почти все столики были заняты – удивлённо зашушукались.

Сыскники встревоженно переглянулись и выскочили из-за стола, потянувшись за верхней одеждой. Мьёл быстро бросил в вазочку деньги и сразу же почувствовал, как некто невидимый прихватил его за штанину. Он наклонился и прошептал:

– Пришла?..

За штанину утвердительно дёрнули.

– Нам надо попасть туда без неё, – Сьят тоже наклонился, поднимая упавший шарф. – Льеса должна уйти. Жизнь и свобода Бюры прежде всего. Тайный ход есть?

Шарф в его руках утвердительно кивнул.

– Идём, – рыжий быстро накинул пальто.

Подозрение Сьята касательно чайной подтвердилось через полчаса, когда сыскники, пройдя по заснеженной набережной мимо трёх зданий Колдовского ведомства, свернули на улицу к парку.

По левую сторону от них петляла узкая тропинка, мерцали мрачно-зелёным парковые фонари и чернели деревья, а за ними горели редкие окна ведомственных зданий. По правую – сияли приветливыми вывесками и золотистыми светильниками булочная, продуктовая лавка и та самая чайная. Между ними темнели кусты и вились тропки, а позади белели крыши жилых домов. И призрачный помощник уверенно потянул Мьёла на задний двор чайной.

– Она всегда была так близко... – с досадой пробормотал Сьят.

Помощник стащил с шеи колдуна шарф и нетерпеливо ткнулся в стену – туда, где ничего, казалось бы, не было – ни двери, ни заметных щелей. Мьёл обтянул руки водяными перчатками, проверил стену, тоже ничего не обнаружил и присел на снег.

– Отойти-ка подальше, – скомандовал он. – Оба отойдите. Шагов на двадцать.

И снег вскипел чёрной водой. Колдун не жалел сил, и новая вода всё прибывала и прибывала. Бурлила, лопалась пузырями и ныряла под землю – и искала-искала-искала... Зад-

ний двор – кусты, невысокую изгородь без калитки, коробки с мусором, стремительно тающие сугробы – и самого Мьёла затянуло густым туманом. Резко запахло рекой.

– Утоплю, только попадись, зараза изворотливая... – зло сплюнул колдун. – Чего придумала...

Он добавил ещё воды, и через минуту ручьи хлынули из появившихся на стене чайной щелей. И расплавили часть стены, обнажив проход, в котором мгновенно вспыхнули тусклым золотом колдовские светильники.

Мьёл втянул в себя всю воду вместе с туманом, осторожно встал, вытер рукавом куртки мокрое лицо и явно удивился, заметив кровь. Так тратиться ему давно не приходилось. Он повернулся и махнул рукой: пошли, мол. Первым в проход сразу устремился призрачный помощник, а Сьят боязливо последовал за ним.

– А что это было? – поинтересовался рыжий.

– Не знаю, – снова сплюнул колдун и запрокинул голову, прихватывая кровоточащий нос. – Не понял. Какая-то защита. Еле взломал. Потом подумаю.

Сьят, отвернувшись, достал из кармана пальто скрученный валиком и пахнувший травами платок:

– Держи. Кровь быстро останавливает.

В проходе появился шарф и замельтешил, явно подзывая. А следом за ним из чёрной лужи вынырнул полосатый котёнок и отчаянно запищал.

– Да как ты пролазишь-то везде? – Мьёл с ворчанием на-

клонился, подобрал Угря и сунул его в карман куртки.

Котёнок сердито вякнул и испарился – улизнул протокой. Чтобы через минуту обнаружиться (рядом с висящим в воздухе шарфом) внутри чайной, у единственной и помятой двери в широкой прихожей. Из крупных щелей сочился тёплый золотой свет.

Сьят огляделся и с уважением посмотрел на колдуна. Стены чайной, как и дверь, напоминали подтаявшие свечи – искажённые, бугристые, в наростах застывшей чёрной воды.

– Гостей ждать? – спросил он серьёзно. – На твоё колдовство сбегутся?

– Понятия не имею. Мелкий, брысь! – Мьёл без труда выбил покосившуюся дверь. – Придут – огребут. Я злой.

Призрачный помощник снова закивал и на секунду показался – взъерошенным и готовым подраться пустынным котом.

А за дверью находилась самая обычная жилая комната с самой же обычной жилой обстановкой – буфет и чайный столик с нетронутой едой в одном углу, кровать в другом, платяной и книжный шкафы, тёмный ковёр на полу. А посреди комнаты за огромным рабочим столом сидела Бюра и иступлённо писала. Очень бледная, худая, с мутными серыми глазами, она не обратила ни на сыскников, ни на призрачного помощника, ни на запрыгнувшего на стол котёнка ни малейшего внимания.

– Ничего не трогаем, – предупредил Мьёл. – Пиши ма-

стеру Гырибу, пусть приходит и разбирается. Здесь точно полно тайников, но они принадлежат ведомственным. Разве что...

Котёнок требовательно вякнул. Колдун посмотрел на свою руку, вспухшую каплями воды, и встревожился.

– Разве что Бьюру снова спасём, – закончил он. – Это заклятье жрёт её силы.

Мьёл встал позади замороченной женщины, потёр руки, плеснул водой, и над головой Бьюры распустился чёрный цветок. Поток воды сначала окатил её с головы до ног, а после впитался в лепестки. Вода разрушила, смыла и забрала колдовство, и женщина выронила перо.

Она попыталась отодвинуться от стола, увидела котёнка и прошептала:

– Это ты... Ты позвал на помощь...

Угорь распушился и гордо заурчал. А Бьюра с трудом повернулась и улыбнулась:

– И снова ты...

Колдун присел рядом с ней на корточки и тихо спросил:

– Льеса?..

– Опоила меня чем-то, – кивнула Бьюра. – И здесь заперла. Сначала предложила, чтобы я сама, чтобы добровольно... И тогда выпустить обещала, в семью вернуть. А я отказалась. А стены здесь – как водяной мешок. Вся эта комната – водяной мешок. И вот... Как тебя зовут? – и смущённо: – Можно тебя обнять?..

– Это не я... Я не хотела... – плакала в допросной Льеса – высокая, худощавая и голубоглазая женщина с копной серебристо-седых волос. – Меня заставили... Я их не знаю... Муж умирал, мне нужны были деньги – много-много денег... Я одна, у меня больше никого нет... Они сами меня нашли... И предложили – много-много предложили... Я ворую разработки... нет, даже случайные идеи... А они тайник в парке обустроили. Я туда папки, а они – деньги. Я бы ни за что, но муж... У меня больше никого нет...

Она жаловалась очень искренне и выглядела по-настоящему несчастной. Настолько, что Сьят и мастер Гьириб то и дело переглядывались, а потом косились на Мьёла, который обещал подобрать ключи к обману. Колдун же сидел поодаль и смотрел на свой кулак, вспухший чёрными каплями. И в ответ на вопросительные взгляды лишь кивал: продолжайте, мол.

– Бюру ты похитила? – сурово спросил Сьят.

– Нет-нет, мастер, нет... – залепетала колдунья. – Я только вместе с ней из ведомства на обед вышла... Я ничего не знала, это не я...

Водяной клубок заклатья правды по-прежнему сиял снежной белизной, подтверждая правоту Льесы.

– И ничего важного я не продавала, клянусь! – горячо продолжала она. – Так, по мелочи... редко... После смерти мужа долгов много осталось, я хотела рассчитаться, а потом сдать-

ся вам. И их всех сдать. Не хочу на крючке всю жизнь! Нет, ма... – и вдруг запнулась.

На её лице заблестел пот. Льеса резко сгорбилась, пряча под столом руки, и тяжело задышала, сглатывая. А Мьёл посмотрел на свой кулак в каплях воды и ухмыльнулся.

– Я не... – снова начала колдунья, но недоговорила: закатила глаза и сползла по спинке стула. В обморок.

– Левая рука, – отметил Мьёл. – Проверьте, там или амулет, или знаки.

– Амулет! – удивлённо пробормотал мастер Гьириб. – И не просто амулет. Он под кожей. Сейчас достану. Молодец, парень.

Сьят позеленел и отвернулся, а Мьёл, наоборот, встал и подошёл к старому мастеру. На руке колдуньи, от запястья до локтя, полыхал ожог, под которым проступало что-то выпуклое. И сознание она потеряла явно от боли.

– Если вы умеете быстро лечить, то давайте я достану, а вы исцелите, – предложил Мьёл.

Сьят зажмурился и зажал уши, но колдуны всё сделали тихо и быстро (заодно и цепочку из вещдоков забрав). И уже через минуту на руке Льесы не было ни следа травмы или крови, а через пять минут она пришла в себя.

– Простите... – пролепетала она, подняв голову и часто-часто заморгав. – Мне что-то... нехорошо стало. Можно воды?

Сьят подвинул к ней стакан с водой и снова строго спро-

сил:

– Так кто и зачем похитил Бьюру?

– Я не зна... – затянула старую песню колдунья и осеклась: белый шар правды почернел и зачадил.

– Не ищи, – мастер Гьириб положил на стол амулет – очень тонкий, гибкий, изрезанный знаками. – Он у нас. Человеческая кожа. Взятая у сильного старого колдуна. Обработанная кровью ещё минимум пяти мощных колдунов. Древний и давно утраченный ритуал. Я читал о нём, даже когда-то восстановить хотел, когда был молодым и глупым. Но не решился. А чтобы не совращало знание, заставил себя забыть о нём – да так крепко, что и сейчас не сразу вспомнил. Парень, ты тоже о нём слышал?

– Наставник рассказывал, – кивнул Мьёл, возвращаясь на свой стул. – Но он знал больше вас и сказал, что когда вранья слишком много, оно жжётся. А если ему придать направление, враньё укажет на источник защиты. Немного правок в заклятье правды – и всё.

Льеса сразу сбросила маску несчастной – её глаза потемнели, лицо свело судорогой, рот оскалился.

– Да пошли вы... – прохрипела она.

Мастер Гьириб молча встал, бросил ей в лицо пригоршню воды и велел:

– Говори правду. С чего всё началось?

– Мой муж в молодости был контрабандистом, – послушно заговорила колдунья. – Он долго это скрывал, но я узнала.

Сначала думала, он любовницу завёл, а оказалось, тёмные делишки проворачивает. Я тогда сказала, что не против лишних денег в доме, но попросила не рисковать. А он... Это не болезнь была, это проклятье. Он перевозил какую-то древнюю вещь и подцепил проклятье. Болями мучился – чуть с ума не сошёл. У меня к тому времени тоже завелись нужные связи, и я обратилась к знающей Чудье. И она так сказала: или к лекарям, но тогда признаться во всём придётся, а в тюрьме муж год-два проживёт, или в закрытый храм с лечебницей за Семиречьем, но всё равно лет на пять-семь. Там и боли унимают, и вопросов не задают. Но и денег берут много. Очень много.

Она сглотнула и сипло продолжила:

– Мне его дружки уже давно намекали – почему бы, мол, что-нибудь интересное не продать из ведомственных тайн? Это они держат чайную – давно держат. Мне предложили часть секрета, чтобы обмануть заклятье правды, и деньги в обмен на новые разработки. И я согласилась. Почти полгода я восстанавливала ритуал обмана и искала на кладбищах подходящих мертвецов, но оно того стоило. Браслет – всё равно что мёртвый, причём очень сильный мёртвый колдун, сильнее меня. Поэтому заклятье не чувствует живого, лишь мёртвого во мне, а мёртвые не лгут, молчат – потому что их *нет*. И меня для заклятья правды *не было*. Но я всё равно старалась быть осторожной. За десять лет меня никто ни в чём не заподозрил. Я действительно не брала ничего важно-

го и опасного, лишь мелочь. Муж прожил семь лет и умер, а я... Решила, что ещё немного, и всё. Рассчитаться с друзьями мужа, скопить денег, попросить о переводе в другое ведомство – и уехать. Подальше. Но тут из отпуска, не предупредив меня, вернулась Бюра – почти на неделю раньше срока. Она заметила. Надо было срочно что-то делать.

– Над чем она всё это время работала? – спросил Мьёл. – Взаперти?

– Над забвением-подменой. Я не хотела её убивать. Лишь хотела, чтобы она забыла – о похищении и обо мне. Подмена помогает не просто забыть нужное, но и заместить реальность выдуманными воспоминаниями. Я бы получила последние деньги, потребовала выкуп, чтобы сбить всех со следа, и уехала. А мужу Бюры отправила бы записку, где искать жену. И она ничего бы не вспомнила – и никто никаких следов колдовского вмешательства на ней бы не нашёл, – и Льеса зло выдохнула: – Убить её надо было. И тело уничтожить. И концы в воду. А я пожалела – её детей, мужа. Нельзя лишать людей любимых, говорила я себе – сама же потерявшая. А оно вон как вышло – против меня обернулось...

И, поборов остатки воздействия, колдунья отрывисто спросила:

– Кто меня сдал? Как вы всё узнали?

Сьят открыл папку, достал два листа с вопросами – один со своими, второй глава Колдовского ведомства набросал – и невозмутимо ответил:

– Дух Бюры. Она научилась покидать тело и нашла того, кто её увидит и поймёт. А теперь слушайте внимательно. Пока что вам грозит пожизненная каторга, но ввиду вашего преклонного возраста, раскаяния и сотрудничества со следствием – включая, конечно, обязательные имена всех «друзков» и прочих помощников, – есть шанс заменить её на пожизненную службу в закрытом храме Семи рек. Если согласны, отвечайте на все вопросы – внятно и развёрнуто. Если нет...

– Согласна! – торопливо перебила Льеса.

– Тогда начнём.

А мастер Гьириб придвинулся к Мьёлу и прошептал:

– Не хочешь ко мне? В отдел секретных разработок?

– Увы вам, – ухмыльнулся молодой колдун. – Даже не мечтайте.

– Почему? – прищурился глава Колдовского ведомства.

– У меня голова без ног не работает, – Мьёл пожал плечами. – Сяду в кабинете на задницу – ничего не придумаю.

– Это поправимо, – заметил мастер Гьириб.

– Но это и не главное, – молодой колдун посмотрел сначала на Сьята, потом на Льесу и скривился: – У вас клоака, мастер. А у нас – семья. У нас принято прикрывать, а у вас – подставлять. Я всякого в вашем архиве наслушался. Нет уж. Не пойду.

– Но ты запомни, – глава улыбнулся. – Жизнь непредсказуема, а сыскная особенно. Никогда ведь не знаешь, что слу-

чится завтра.

Мьёл согласно кивнул. Они-то со Сьятом думали, что уедет мастер Рьен, уснёт зимний город, и из развлечений останутся склянки, рассказы да старые архивные дела. А оно вон как вышло.

И то ли ещё будет...

Дело 2: Чужак

– Тут точно живёт призрак, – убеждённо заявила Иххо, собирая разбросанные по столам зелёные и жёлтые папки. – Вот увидишь, я докажу. Вернётся мастер Рьен, я попрошу у него допуск в архив для матушки Шанэ, и она этого призрака отловит. Думаю, он давно тут живёт. И пакостит тоже.

– С чего ты взяла? – проворчал Мьёл, с трудом удерживая большую, битком набитую папками коробку.

Он спустился в архив от скуки, собираясь найти и полистать какое-нибудь интересное старое дело, услышал сердитый голос Иххо, догнал её и незаметно для себя оказался не только в слушателях, но и в помощниках.

– О, доказательств много, – девушка сложила в его коробку ещё несколько папок. – Меня не было на работе три дня. Всего лишь. Перед уходом я навела порядок и вернула все папки на свои места. Так откуда у нас сейчас столько посторонних дел? Я понимаю, что многие идут сюда почитать отчёты Сьята, но почему они едва ли не поголовно тащат с собой свои дела и потом забывают их забрать? Три дня! А сколько натаскали? И, поверь, мы собрали едва ли четверть.

Иххо снова зорко оглядела комнату, взяла свою коробку поменьше и первой вышла в коридор.

– И это всё? – Мьёл последовал за ней.

– Вообще-то сначала меня насторожило то, как мастер

Рьен нашёл дело Киззо, – призналась девушка. – Он объяснил, что папку обнаружил кот. Животные-колдуны – да, оказывается есть у нас на Севере такое чудо, – но как котёнок, которому три луны от роду, так быстро научился читать и изучил весь архив? Ты логически подумай. Как?

Колдун подумал и не нашёлся с ответом.

– А я тебе скажу, как, – вдохновлённо продолжала Иххо. – Он заметил призрака, который отлично знает архив и которого не может видеть мастер Рьен. Именно призрак и подсказывал коту, где искать. Поэтому они так быстро нашли нужные папки, а среди них и дело Киззо.

– Выходит, документы по делу Бьюры ты нашла примерно так же? – Мьёл посмотрел на неё с любопытством.

– Почти, – девушка свернула в следующую комнату и поставила коробку на стол. – Она лежала в коридоре отдела общих правонарушений на самом видном месте – на полу.

Колдун тоже поставил свою коробку на стол и задумчиво кивнул: да, что-то в этом есть... Потом оценивающе посмотрел на стремительно растущую в руках Иххо стопку и добавил своей коробке водяных «стен» – для высоты и вместительности.

– Есть и ещё один момент, – девушка повернулась и положила на стол новые папки. – Потом покажу. Попозже. Когда дойдём.

– Вообще-то допуск матушке не нужен, – заметил Мьёл, сгребая найденные дела. – Она в ведомстве давно свой че-

ловек.

– Нужен, – строго глянула из-под косой рыжей чёлки Иххо. – Раз тут такой порядок.

Колдун хмыкнул, но смолчал. Нравится человеку жить по правилам – ну и пусть живёт.

Девушка захлопала дверцами шкафов, проверяя, но жёлто-зелёные «гости» чаще всего находились на столах и стульях – в комнатах, в нишах коридора, где под светильниками были обустроены рабочие места.

– Давай ещё в пару комнат зайдём, – решила Иххо. – А потом сразу в правонарушения.

Мьёл прикинул, что они действительно обработали едва ли четверть помещений, посмотрел на коробки и прямо спросил:

– Дальше помогать?

– Если ты не занят, – неловко улыбнулась Иххо.

– Пятый день без дела, – колдун поднял свою коробку. – А мастер Гьириб объяснил, что это не он такой вредный – разрешение в архив Колдовского ведомства выдавать всего на неделю. Это один из старых архивариусов лет двести назад заметил, что его помощники посторонних водят – они так на знаниях зарабатывали. И наложил заклятье: неделю посторонний просвещается, а после вместо записей видит пустые листы. И разрешение выдаётся всего раз в сезон. Теперь туда только весной. Но наставник сказал, вам пока хватит, – он первым вышел из комнаты и сразу сменил тему: – Кстати,

а ты местного призрака не ощущаешь? Мёртвую невесту-то почуяла.

– В ней было много силы, – Иххо взяла свою коробку и последовала за ним. – Я, видимо, только призраков-колдунов чувствую. Или он просто хорошо прячется. Архив огромный, а я ощущаю призрака шагах в двадцати от себя, не больше.

Так, обсуждая то одно, то другое, они почти добрались до отдела общих правонарушений. За две комнаты до него девушка опустила коробку на пол, нырнула в рабочую нишу и вернулась оттуда с ярко-зелёной папкой.

– Вот, – показала Иххо. – Вот эту папку я нахожу уже несколько недель и всегда только здесь. Я как-то из интереса проследила – она появляется в этой нише каждый день. Понимаешь? Каждый день. В одном и том же месте. Зачем?

На светло-зелёной папке чернел только номер.

– Что за дело? – прищурился Мьёл.

– Ограбление какого-то особняка, – девушка пожалала плечами. – Давно случилось – лет тридцать назад. Обошлось без жертв – хозяева и слуги тогда отсутствовали. А грабителей так и не поймали. Вернее... Тогда был Первый день зимы, народу гуляло много. Соседи вспомнили, что видели одну компанию, которая мимо особняка проходила, – они шумели, ссорились, обзывались. Кого-то из них потом нашли, допросили, но отпустили за неимением доказательств. А самое интересное, что в том доме ничего вроде бы не пропа-

ло. Деньги, ценности – всё на месте, зато вещи вверх дном. Что именно у них искали, хозяева или не знали, или постеснялись сказать. Дело давно закрыто, да и времени прошло порядочно. Какой смысл тащить папку сюда?

– Никакого, – согласился колдун. Повёл плечами, удобнее перехватил тяжёлую коробку и попросил: – А можешь выписку сделать? Нужны дата ограбления, место, все имена-фамилии – свидетелей, потерпевших, сыскников.

– Зачем? – удивилась Иххо.

– У меня есть приятель в кражах, – пояснил Мьёл. – Скажу, что мы постоянно на это дело натываемся, – может, он в курсе. И с сыскником, который дело вёл, поговорю. Так и узнаем, призрак развлекается или нет.

– Ладно, сделаю, – кивнула девушка. – Только давай сначала хотя бы половину чужого из нашего отдела уберём. Да и в тех же кражах надо наши папки поискать – они там часто находятся.

– День только начался, – бодро отозвался колдун. – Заняться пока нечем, а разливать заклятья по склянкам ещё вчера достало.

Сьят грыз перо и в сотый раз перечитывал вчерашний рассказ.

Так всегда: когда пишешь – душа летит вслед за словом, и всё нравится, и каждая буковка на своём месте. А когда спусть хотя бы день читаешь написанное – всё не так: и вот это

слово не то, и факты не в том порядке изложены, и дополнений-пояснений не хватает. И вообще... сомнительно как-то дело смотрится. И вот тут выводы за уши притянуты. А понравится ли такое читателям?..

Рыжий частично переписал вчерашний текст уже раз пять и всё равно, в очередной раз перечитывая черновик, находил огрехи. А ведь все думают, что это просто – сел и написал. Хотя написать – да, просто, а вот доработать черновик так, чтобы текст заиграл...

От творческих переживаний отвлекла почта. Съят отложен рассказ, поднял из чёрной воды записку и невольно посмотрел на часы. Семь вечера. Родители в такое время редко пишут, прекрасно зная, что сын или на работе, или у подруги, да к тому же не любит спонтанных чаёв по вечерам. Они давно привыкли с утра о семейных посиделках предупреждать.

Рыжий развернул записку, прочитал, позеленел. И дрожащей рукой быстро-быстро набросал свою.

Ответ в виде грохнувшей двери не заставил себя ждать. Мьёл заглянул в кабинет и с затаённой надеждой спросил:
– Что за срочность?

Съят молча подвинул письмо к краю стола. Колдун плюхнулся в кресло, взял помятый лист и прочитал: «У нас, кажется, убийство. Соседка затащила мастера Зарэ, всего в крови, на наш участок, машет ножом и хохочет. Мы закрылись дома. Что нам делать?»

– Это у твоих, что ли? – встревожился Мьёл.

Рыжий позеленел ещё больше, кивнул и выдавил из себя:

– Сходишь?..

– Уже бегу, – колдун встал и скомандовал: – А ты Лу напиши, пусть своих поднимает. Я соседку под мышку – и сюда, а он с группой пусть на месте всё осмотрит и с твоими родителями поговорит. И давай очухивайся. У тебя что, от крови и трупов только носовые платки?

Сьят немедленно полез в нагрудный карман безрукавки, вытащил узкий флакончик с золотистым содержимым, сшиб пробку и выпил зелье. А Мьёл уже был у двери вместе с курткой.

– Ты эту соседку и мастера Зарэ хорошо знаешь? – уточнил он быстро.

– Соседку зовут Ханви, – своим обычным спокойным тоном произнёс Сьят, и лишь нервно сжимающие перо пальцы выдавали его пошатнувшееся душевное равновесие. – Отец с Севера, мать южанка, сама родилась в Приграничье, но потом перебралась сюда. Я с её сыном очень дружил. И это у неё я учился писать рассказы – она всегда говорила, что у меня дар. Ханви всю жизнь изучала старые северные языки, древние книги и литературу вообще, работала в словесном училище. А вот мастера Зарэ толком не знаю. Он в прошлом году – не то весной, не то летом – на нашу улицу переехал. Мастер стар, нелюдим и замкнут. Почти год с нами живёт, но до сих пор ни с кем не здоровается, только смотрит с по-

дозрением.

– Ну, держись, друг, – подбодрил Мьёл. – Разберёмся. Пиши Лу, чтобы собирался, и своим, чтобы не боялись. И сам знаешь, куда дальше.

Да. Архивы, регистрация... А ещё писчая работа успокаивала. Сьят достал из ящика стола стопку чистой бумаги, чернильные склянки и склянки почты.

Он проучился у Ханви больше десяти лет, но всё ли о ней знал? Тайны есть у всех – и кто знает, что скрывает эта добродушная, улыбчивая и приветливая женщина?

– Чего ждёшь? – колдун нетерпеливо мялся у двери допросной. – Она неопасна. Я её и в мешок без труда сунул – даже не пыталась сбежать или напасть. А в воду мешка успокоительное подмешал. Не нападёт. А рискнёт – так я рядом.

Сьят не ответил. Он мрачно смотрел в окно на свою соседку и сам не понимал, что именно его тревожит. Женщина в допросной действительно смирно сидела на стуле и чему-то тихо улыбалась – всегда с гладкой причёской, ухоженная, аккуратная, сейчас она напоминала сбежавшую из лечебницы безумную. Волосы диким колтуном, исцарапанные руки с обломанными ногтями, строгое клетчатое платье порвано в рукавах и подоле. Мьёл почистил Ханви от чужой крови – всё до последнего пятнышка на платье вывел, – но Сьят всё равно не решался зайти в допросную.

– Мастер Зарэ мёртв, – напомнил колдун. – Пятнадцать

ножевых, из них три в сердце, два в лёгкие, два в печень. Без шансов. Он ещё до моего прихода умер. Правда, то, что убийца – именно она, ещё доказать надо. Убийства вроде никто не видел, только глумление над телом, но Лу опросит свидетелей и всё уточнит. Давай допрашивай, а я потом силу её удара замерю и сделаю слепки работы обеих рук. Нож при ней, кстати говоря, был точно тот. Им убивали. Это я успел проверить.

Рыжий снова слегка позеленел и опять достал зелье, которое специально для него разработал знакомый колдун-лекарь – чтобы не мутило до обморока, нервы успокаивались и голова работала. Выпив лекарство, он вновь внимательно присмотрелся к Ханви, а женщина, словно ощутив чужой взгляд сквозь невидимое окно, повернула голову, убрала за ухо растрёпанные прядки светлых волос и широко улыбнулась.

– Это не она, – наконец понял Сьят.

Звучало дико, но...

– То есть как? – в свою очередь не понял Мьёл. – Твои родители опознали – она. А ты говоришь, нет?

– У Ханви чёрные глаза, – напряжённо пояснил рыжий. – Она наполовину южанка, у неё глаза как у матушки Шанэ – чёрные-чёрные. А у этой женщины глаза голубые. Рост, телосложение, шрам над левой бровью, родинка на подбородке – да, это черты внешности Ханви. А вот глаза... Тебе известно что-нибудь, что меняет цвет глаз – заклятья, зелья,

знаки, амулеты?

Колдун подумал и пожал плечами:

– Нет. Для длительной слежки за подозреваемыми и прочих секретных дел есть морочные маски, но они изменяют только оттенок – с голубого на синий, с чёрного на карий или наоборот. Зелёные глаза могут светло-карими сделать. Но чтобы чёрные стали голубым... Нет.

– Вот и я о том же, – Сьят нахмурился, повернулся и прямо спросил: – А когда в Иххо призрак вселился, её глаза изменились?

– Причём тут... – начал Мьёл и запнулся. На секунду. – Ты что, думаешь, в неё кто-то вселился?

– Ханви всю жизнь проработала в словесном училище, – рыжий не отводил глаз. – Всех наставников, как ты знаешь, лекари постоянно проверяют. Не приведи Лунная, ненормальность проявится – или наследственная, или из-за нервной работы. А вокруг дети. Она на пенсии полгода как. Она на сто раз проверенная. Откуда это безумие? И откуда голубые глаза?

– Менялись, – признал колдун. – Белыми стали.

А женщина в допросной вдруг улыбнулась ещё шире, и её глаза вспыхнули голубым огнём – как у матушки Шанэ в момент общения с призрачными помощниками.

– Я за матушкой, – попятился Сьят. – Помощники тут тоже могут быть.

– А я останусь, – решил Мьёл. – Кто её знает... Мешок

точно набросить успею. А призраки, матушка говорила, если проходят через защиту Сыскного ведомства, колдовскую силу теряют. Но ты давай-ка... пошустрее.

Матушка Шанэ собиралась спать. Хотя нет, на самом деле собиралась она уже второй час и каждые минут десять говорила себе: ещё одну главу – и в постель! Но не выходило. Книга – «Легенды Древнего Севера» – затягивала как в омут, и матушка, едва её что-то отвлекало (сползший плед или выпитый чай), в очередной раз обнаруживала себя на середине новой истории. Конечно, время ещё не позднее, да и душой отдыхать надо – не всё же за призраками бегать...

Чёрная лужа письма появилась прямо в книге – точно на страницы чернил плеснули. Матушка с сожалением положила томик на колени, достала записку, прочитала и быстро встала. Урчащий под боком кот недовольно зевнул, повернулся и уткнулся мордочкой в угол кресла. А матушка Шанэ поспешила к шкафу.

Неужто опять её землячка, да ещё и с призрачными помощниками?..

Когда Свят добежал до чайной, матушка уже ждала его на заснеженном крыльце, а её помощники обследовали место убийства и, проскользнув мимо рыжего в открытую дверь, изучали Сыскное ведомство. Призраки-помощники даже без колдовства более чем опасны.

– Сынок, я бы и сама пришла, – мягко укорила она. – За-

чем бежал?

– Прогулки полезны для размышлений, – пояснил запыхавшийся рыжий. – Хотел отвлечься. Вечера, матушка. Спасайте. Опять у нас очередная призрачная гнусь. Скажите, если призрак в живого вселяется, цвет глаз может измениться?

– Если призрак сильный, с колдовством, то не только цвет глаз, – ответила матушка Шанэ, спускаясь с крыльца. – И цвет кожи, и цвет волос, и даже голос. Бывало, бледные смуглели, молодые разом седели, а женщины говорили мужским голосом. Но лишь на время. Когда призрак уходил, всё становилось прежним. Ещё, сынок, жесты меняются, походка, привычки. Сильный чужак усыпляет владельца тела и ведёт себя так, как он привык.

– Усыпляет? – переспросил Сьят. – Не убивает?

– Нельзя убивать, – твёрдо сказала матушка. – Умрёт родной дух – быстро умрёт и тело. Чужак может довольно долго жить подселенцем, но только рядом с живой и родной телу душой. Все чужаки, которых я встречала или о которых мне рассказывали в семье, понимали: убивать нельзя. Иначе и суток в мёртвом теле не просидишь.

– А в целом каков срок? – заинтересовался рыжий.

Они дошли до моста. Здесь, на открытом речном пространстве, задувал, поднимая облака снега, ледяной ветер.

– Разный, – матушка Шанэ перехватила капюшон. – Всё зависит от того, с какой целью чужак подселился и как рядом с ним чувствует себя родная телу душа. Иххо, например,

сразу так испугалась, что едва не умерла. А я слышала о таких, кто живёт «соседом» и луну, и две, и три. Но они готовились и сразу, едва вселившись, усыпляли душу. Редкость, сынок. Вообще чужаки – огромная редкость. Мало кому это в голову придёт – подселяться к живому. Обычно этим грешили те, кто точно был одной ногой на Причале, но хотел задержаться... чтобы что-то сделать. Сказать. Закончить.

– Посмотрим, кто нам попался, – Сьят открыл торцевую дверку. – Заходите, матушка.

В начальственном кабинете он помог ей снять тяжёлое тёплое пальто, сбросил своё, и они спустились на второй подземный уровень, где находились и допросные, и камеры. И где рядом с настороженным Мьёлом сидел призрачный серый пёс. При виде хозяйки он отрицательно покачал головой.

– В ведомстве чужих призрачных помощников нет, – матушка Шанэ достала из кармана тёмного платья маленькую свечу. – Здравствуй, сынок... Давайте посмотрим на вашу преступницу.

Колдун заметно расслабился, приветственно кивнул, открыл дверь в допросную, с порога что-то проверил и пригласил:

– Входите. Можно.

Ханви, за час не сменившая ни позы, ни выражения лица, вдруг вскинула на матушку Шанэ горящие голубым глаза и грубым мужским голосом проскрипела:

– Не смей, мать. Не трожь свечку. И не гляди глубже, чем теперь. Убью. Клянусь, мать, убью её. И за собой утяну – меня Причал уже ждёт. Ничего не узнаешь. И подставишь. Её. И ты, колдун, не трожь меня. Убью.

– Ты и так её уже подставил, – неожиданно резко сказал Сьят. – Кого в убийстве обвинят? Не тебя, а Ханви. Никто вселившегося чужака в расчёт не возьмёт.

– Согласись, красиво? – ухмыльнулась «Ханви». – Одна тварь убита, вторая убила и будет утоплена. Красиво, а?

– За что? – сухо спросил рыжий. – Мстишь?

– А ты соображаешь, малец, – чужак громко хлопнул ладонями по столу и хрипло рассмеялся.

Сьят сел напротив «соседки» и деловито повторил:

– За что?

«Ханви» зло прищурилась:

– А вот и разберись, коль такой умный. Правду выкопай. Старую. Настоящую. И не смотри, это не овечка белая. Она от нас с Зарэ всё нос воротила – мол, я вон как поднялась, а вы как были бродяги безродные, так бродягами и подохнете. А за чей счёт она, тварь паршивая, поднялась? За счёт Ньёда и Зарэ, да-да! Оборванка же была без роду и племени. Двух слов связать не могла. И вдруг словесность. И дом богатый. Ну, чего не пишешь? Я те всё говорить не буду, не-а. Сам выкопаешь.

Мьёл вдруг сунул руки в карманы штанов и зашуршал записками.

– Банда, – хмыкнул рыжий. – Чем промышляли? Мошенничество, вымогательство, мелкие кражи?

– Ограбления, – подал голос колдун, – богатых домов.

Чужак снова громко хлопнул ладонями по столу:

– Ещё один умник! Откуда знаешь?

Мьёл тщательно разгладил записку и зачитал:

– Около тридцати лет назад в Первый день зимы неизвестные проникли в особняк номер восемь, что на Пятом острове. Хозяев – семьи Ви – дома не было, они уехали в гости к родственникам ещё до Мёртвого времени. Обитатели острова в это время праздновали – карнавалы, маски, настойки. Никто ничего толком не видел, лишь один из соседей Ви, пожилой мастер Батто заметил из окна своего дома четверых нетрезвых молодых людей. Они стояли у ворот особняка и ругались. Мастер приоткрыл окно, прислушался, но разобрал лишь одно имя, которое повторялось громче и чаще других, – Ньёд. По имени его и нашли, но на допросе правда показала, что парень ни при чём. В дом не заходил, чужих вещей не брал.

Ньёд опять хрипло рассмеялся. Голубые глаза довольно заблестели.

– Где ты это взял? – Сьят обернулся.

– Потом расскажу, – колдун свернул записку и прищурился на чужака. – Брать-то не брал, но настороже стоял? Пока дружки что-то в особняке искали, да так и не нашли? Или всё-таки нашли?

– А вот это вам, умники, узнавать, – усмехнулся чужак и сложил руки на груди. – Я и так много наболтал. Найдёте свою правду, сравним с моей... а там и видно будет, куда дальше поплывём. Задача ясна, не? А меня в камеру давайте. И не трожьте, пока всё не выкопаете. Я всё сказал.

– Погодите, проверю кое-что, – с рук Мьёла сорвались чёрные ручейки. – Не по вашей части и для дела.

Ньёд даже возмутиться не успел, а ручки уже юрко изучили тело Ханви – ладони, предплечья, плечи, торс – и скользнули обратно. Свились на ладони колдуна в водяной клубок и зачадили чёрным.

– Не врёт, – мрачно признал Мьёл. – Он убил мастера Зарэ. Вернее, руки Ханви все удары нанесли.

Чужак победно ухмыльнулся, встал и велел:

– В камеру меня давай, малец. А ты, мать, – голубые глаза прищурились на матушку Шанэ, – объясни этим умникам, что у них очень мало времени. Причал зовёт, а Лодочник нетерпелив к тем, кому не за что держаться. Но уйду я или с правдой, или с подружкой. Которую после так ославят на всё Семиречье... А уж её семейке какво после будет... Очень удобно, что на Севере не верят в призраков, а?

– Давайте по очереди, – хмуро предложил Съят, когда все собрались на совещание в кабинете начальника. – Матушка, начнём с вас. Время позднее.

– Выгоняешь? – лукаво улыбнулась она, разливая по чаш-

кам свежий чай.

– Ни в коем случае, – заверил рыжий. – Хотите – оставайтесь до конца совещания. Вы же давно часть нашей команды.

– Спасибо, сынок, – матушка Шанэ поставила чайник на стол и села в кресло. – Чужак – точно убитый, но это ты, поди, тоже понял. Я немного успела заметить, но думается, смерть свежая. Недавно его убили. Силы в нём слишком мало. Неделю назад умер, не больше. Могу тело поискать, но не уверена, что получится. Связи души и тела разрушаются быстро, даже если дух ещё здесь. Больше, к сожалению, ничем не помогу.

– Поищите, – кивнул Сьят и посмотрел на колдуна, который, как обычно, стоял у окна, привалившись к подоконнику. – Так откуда данные об ограблении?

– Не поверишь, – усмехнулся Мьёл. – Иххо нашла. С утра она объявила, что в нашем архиве живёт призрак, и показала папку именно с этим делом об ограблении особняка как доказательство. Якобы оно уже несколько недель появляется каждый день в одном и том же месте. Иххо днём возвращает папку в отдел краж, а с утра дело опять у нас. Она проверила – его как нарочно кто-то на видное место подкладывал. Я попросил у Иххо выписку, чтобы узнать у приятеля, кто из отдела краж так развлекается, и в обед она мне её составила. Кто бы знал, что это дело так быстро пригодится.

– Призрак? – заинтересовалась матушка. – А можно поподробней и... – она заметила строгий взгляд Сьята и вино-

вато улыбнулась: – Ой, извини, сынок. Не время сейчас. Потом-потом.

– Вот дело, – колдун положил на стол зелёную папку. – Вот выписка, – на папку легла помятая записка.

– Может, это и призрак, – задумался рыжий. – Или всё проще: кто-то из отдела краж раскопал дополнительные сведения и занялся своим расследованием. А папку прячет у нас, чтобы кто-нибудь другой от скуки не заинтересовался. Да, матушка, потом архивные призраки. Что ещё по делу скажешь?

– На месте убийства не оглядывался, – Мьёл вернулся к подоконнику. – Убийцу в мешок, тело осмотрел, время смерти записал, а потом слепок с трупа в склянку – и в ведомство. Силу удара при тебе замерял – она убивала. Могу показать на слепах трупа и Ханви.

– Не надо, верю, – поспешно отказался Сьят и посмотрел на последнего участника совещания: – Лу, что у вас?

Загорелый сыскник, чьё имя могли произнести (и запомнить) только его родители-языковеды, открыл папку и скривился:

– Шесть-семь часов вечера зимой – самое поганое время. Все уже или вернулись с работы и ужинают, или ушли на работу в ночную смену. Как водится, никто ничего не видел, никто ничего не знает. Твои, Сьят, тоже ужинали, когда шум во дворе случайно слышали. В общем, так дело было...

Оба почтенных родителя Съята, Бьён и Адья, работали в главной городской библиотеке, очень любили читать, всюду ходили с книгами и были крайне рассеянными. И когда у согревающих заклятий внезапно кончился срок годности (а вообще-то все бытовые заклятья необходимо обновлять в начале каждой зимы – туманы Мёртвого времени высасывают из них почти всё колдовство), родители спохватились, но поздно – дом уже совершенно остыл. Второпях они перестарались, заклятий использовали больше нужного, и дом к вечеру прогрелся до дикой жары и духоты. Они повсюду открыли окна и лишь потому-то и слышали – тихий-тихий смех с улицы.

Родители отвлеклись от ужина, выглянули в окно и не поверили своим глазам: кто-то протащил что-то тёмное через незапертую (конечно же, снова по рассеянности) калитку, бросил свою ношу в десяти шагах от дома и снова засмеялся – страшно, безумно. Соседку они опознали не сразу, лишь когда Ханви выпрямилась и потёрла спину.

– Это же Ханви... – Адья, чья мать была портнихой, очень любила хорошо одеваться и всегда замечала, как одеваются другие. – Другого такого пальто нет во всём Семиречье, она же его у мамы шила...

– Срочно запираемся, – Бьён, несмотря на библиотечарскую рассеянность, соображал всегда отменно и с мыслями собирался быстро. – Ты – окна левого крыла, я – окна правого и входную дверь. Потом – вверх. Бегом, дорогая.

Когда спустя полчаса они вновь собрались, предварительно потушив во всём доме свет, у кухонного окна, сцена в саду не изменилась. Серебристый свет уличных фонарей. Чёрное нечто. Глубокая грязная борозда на свежем снегу. Хихикающая соседка – неопрятная, с дикими глазами, в расстёгнутом, несмотря на сырой морозец, пальто. Хотя нет, нож появился – в руке Ханви.

– Это что, труп? – выглядывая из-за занавески, с ужасом прошептала Адьа.

– Боюсь, что да, – мрачно ответил Бьён, щурясь. – И боюсь, это мастер Зарэ.

– Почему? – удивилась жена.

– Ханви его ножом размахивает, – напряжённо пояснил муж. – Никогда не видела нашего старого мастера с ножом? Явно Зарэ чем-то нехорошим прежде зарабатывал. Помнится, я как-то летом домой шёл, а Зарэ – мне навстречу. Идёт, в землю смотрит, никого не видит и ножом поигрывает: подбросит – поймает – подбросит – поймает... Или военный, или грабитель, или артист. Я поздоровался, поинтересовался, откуда навыки, а потом вытаскивал этот самый нож из своей сумки. Зарэ его так ловко метнул, предупреждая... Нож я тогда хорошо рассмотрел.

– И сейчас она его будто показывает – прямо под свет подставляет... – Адьа удивлённо посмотрела на супруга: – Я точно узнаю пальто, ты – нож...

– Я пишу сыну, – подытожил глава семьи.

– Мастера Зарэ так и опознали – по ножу? – строго спросил Сьят.

Лу посмотрел на часы и признал:

– Пока только по ножу. У трупа всё лицо искромсано так, что мать родная не узнает, а иных деталей пока нет. Соседей опросили, но те его раз в луну видели и никаких приметных родинок под коленками, конечно, не заметили. Но внешне дом мастера пуст. Мой колдун, как с телом закончит, обещал сделать портрет для опознания. Видимо, ещё возится.

– Пойду помогу, – Мьёл стянул с вешалки куртку. – Я же тебе не нужен?

– Иди, – кивнул Сьят и выразительно посмотрел на матушку Шанэ: – Мастер же убитый. По вашей части. Займётесь?

– Я зажгла свечу перед уходом, – улыбнулась матушка и тоже глянула на часы. – Моё колдовство и власть над духами убитых усиливаются после полуночи. Через час вернусь в чайную и проверю, в клетке ли птичка. Пока его незачем пугать. Сразу после смерти духи часто боязливые, молчаливые. Подождём ещё немного. Если он придёт в чайную, обратно ему уже не выйти без моего согласия. А если не придёт, то попробую притянуть дух позже – после полуночи я сильнее.

– Спасибо, – поблагодарил рыжий. – Лу, что ещё?

Лу вытащил из папки стопку заметок, бегло их просмотрел и сообщил:

– Думаю, Ханви убила мастера возле дома твоих родителей, но точнее узнаем, когда ты дело заведёшь. Без него, сам знаешь, ни в один дом не попасть и обыски не провести. Однако кровь есть лишь у калитки и дальше, в саду. А где именно они встретились и откуда пришли, непонятно. Дорожка сильно истоптана местными, а свежего снега не было несколько дней.

– Что же связывает этих двоих? – пробормотал Сьят, отрывая папку с делом об ограблении.

– Вместе их никогда не видели, – ответил Лу, снова сверившись с очередной запиской. – Мастер Зарэ вообще ни с кем не общался и даже не здоровался. У Ханви всегда было много гостей, но все люди приличные. Но это ты и сам знаешь.

Матушка же, пока сыскники обсуждали своё, сидела в кресле – расслабленно, точно дремала. А на самом деле смотрела глазами помощников, которые без усталости рыскали по заснеженным улицам. У призраков тоже есть свой запах, и по нему можно найти тело, если смерть свежая. Надэ до прихода матушки Шанэ всё в тюрьме обнюхал, уловил нужное и «передал» запах остальным призрачным помощникам. Как по следу по нему, к сожалению, не пойти, но если рядом окажутся (и если связи души и тела ещё целы), учуют. Вероятность крайне мала, но есть.

– А история у нас такая, – Сьят, пролистав дело, коротко рассказал Лу про чужака и связь странной троицы со старым

ограблением.

После истории с Фьёшем-Занозой и лекций наставника Мьёла о прошлом Севера Лу в призраков немного верил, да и Сьята как сысчника очень уважал, поэтому сразу принял случившееся как данность. И архивного призрака – тоже.

– В деле говорится о четвёрке гуляк, – подытожил рыжий. – Трое, кажется, есть. Надо найти четвёртого. Если эти четверо как грабители больше нигде замечены не были, то остаётся одно – свидетели того самого ограбления. А лучше найти свидетелей именно ссоры.

– Тридцать лет прошло, – нахмурился Лу. – Свидетель-старик, поди, давно умер. А пострадавшие вряд ли признаются, раз тогда не сказали.

– А надо не среди взрослых искать, – Сьят, подумав, что-то черкнул на чистом листе, – а среди детей. Помнишь себя мелким? Всегда же нас, маленьких, родители в Первый день зимы дома оставляли и гулять уходили. А мы сидели у окна и ждали. Или по двору полночи носились, если деда-бабушки-няньки позволяли. И никто никогда не признается, что именно видел или слышал, чтобы никого не сдать. Да и не считаются дети серьёзными свидетелями. Их редко опрашивают. Возьмёшься?

– Конечно, – легко согласился Лу.

Рыжий встал и протянул ему записку:

– Вот содержание выписки, адрес и вопросы. Не зря нам в архиве это дело подкинули. Надо в нём покопаться, – он

сердито глянул на часы и добавил: – И снова Мьёла на Городской архив и регистрацию спустить, чтобы не искали одну справку три часа. Думают, если мастер Рьен в отпуске, то у нас нет ничего важного?

– Давай и в регистрацию зайду, – предложил Лу и расправил широкие плечи. – Мне по дороге. Меня они тоже боятся. Мой прежний колдун им как-то хорошую выволочку устроил. Мы важную справку ждали, а эти олухи два часа чай гоняли. Мой колдун пришёл – а они ржут и пироги трескают. Ну он всем и наподдал. И я потом добавил. Ты домой не собираешься?

– Нет, – рыжий придвинул к себе стопку чистых листов, – мне ночью хорошо работается.

– Тогда дождусь в регистрации портрета убитого от наших колдунов и все необходимые справки, – решил Лу. – Посмотрю, что за народ нам попался, а после и в Городском архиве дежурных тряхну.

Сыскники из других групп крайне редко расследовали интересные случаи, и поучаствовать в делах группы Рьена втайне мечтали все. Поэтому, несмотря на близкую полночь, Лу лучился энергией и тоже собирался как следует поработать.

Сьят быстро набросал для него список необходимых документов, поблагодарил сысканика за помощь и тоже собрался в архив – но в местный, сыскной. Без особых надежд – ведь если бы кто-то из подозрительной четвёрки грабителей попался, сейчас бы они на свободе не гуляли, – но всё-таки.

Может, их как свидетелей где-нибудь упоминали. И эти мелкие упоминания помогут понять, чем же всё-таки Ньёд, Зарэ, Ханви и один (как минимум) неизвестный в молодости промышляли.

– И я пойду, – матушка Шанэ открыла глаза, в которых сразу же погасло призрачное сияние. – Если что-то найду или узнаю, пришлю помощника.

– Матушка, как вы считаете, в каком случае обворованные ни за что не признают, что у них что-то украли? – спросил Сьят, помогая ей надеть пальто.

– А кто сыскников вызвал? – уточнила матушка. – Хозяева или соседи?

– Соседи. Заметили, что ворота и дверь дома открыты. Хозяева приехали через день после несостоявшейся кражи.

– В таком случае, сынок, – она сняла с вешалки тёплый платок, – должно быть, у хозяев или действительно не нашлось нужного – например, воры по неопытности домом ошиблись либо хозяева с собой вещь увозили, – или украли ворованное. То, что хозяева особняка сами заполучили не слишком-то честным путём.

– Я тоже так подумал, – кивнул Сьят. – И ещё есть вариант запрещённого. Что они либо сами делали, либо продавали как посредники.

– Ты умничка, ты разберёшься, – улыбнулась матушка Шанэ. – Доброй ночи.

– Я умничка... – вздохнул рыжий, когда она ушла. – Я

обязательно разберусь... Старое ограбление, свежее убийство и один призрак-чужак – в чём тут разбираться-то...

Он быстро набросал несколько записок, отправил почту и засобиравшись в сыскной архив.

– Ты тут что, два часа в бумажках копаешься? – рассердился Мьёл, вынырнув из протоки.

Мертвецкая занимала половину полуподвала и представляла собой длинный широкий коридор с многочисленными нишами. Старая кладка стен сочилась ледяной сыростью, а под высоким потолком плавали мрачные зеленоватые светильники. Арочные проёмы ниш, в которых хранили и изучали трупы, закрывали плотные тёмные шторы, а между нишами стояли рабочие столы и стулья.

Над одним из столов парил вполне сносный слепок с лица покойного мастера Зарэ, но создавший его Вьют, молодой колдун из группы Лу, отчего-то не спешил высылать склянку со слепком начальству. Вместо этого он сидел за столом и что-то вдумчиво изучал.

Услышав окрик, парень вздрогнул и торопливо вскочил со стула. Светловолосый, двадцатилетний, он присоединился к группе Лу совсем недавно и ужасно робел перед опытными сысниками.

– Тут такое дело... – смутился Вьют. – Я тут нарисовал... Вы посмотрите. Это на лице убитого было.

Мьёл взял со стола листы и удивлённо хмыкнул. Лицо по-

койника, оказывается, искромсали со смыслом – лоб, щёки и подбородок «украшали» рваные линии.

– И ты что, пытался сам понять, что это? – Мьёл приподнял бровь. – А ничего, что твоего отчёта ждут уже два часа? Ничего, что нам срочно надо подтвердить личность убитого? Ничего, что дело стоит?

Вьют смутился пуще прежнего.

Мьёл молча сделал ещё несколько слепков с лица убитого, дополнил записи Вьута несколькими замечаниями, снова сделал несколько слепков – с листов, а потом всё свободное пространство стола превратил в большую чёрную лужу. Куда и полетели комплекты «лицо плюс записи» – и дальше, по двум направлениям, Сьюту и Лу. И отдельная склянка со слепком лица и пометкой «Срочно!» – в регистрацию.

– Вот это, – Мьёл отряхнул руки, – ты должен был сделать *сразу*. Понял? Сразу! Захочешь выслужиться и подумать за начальство – быстро потеряешь работу или останешься тут дежурным. Запомни: мы, колдуны, думаем или когда начальство спрашивает, или когда больше заняться нечем. Нам платят за то, что мы делаем – и делаем очень быстро и качественно. Сделал – отправил – и думай, сколько влезет. Хочешь себя проявить – показывай свою сильную сторону. А у нас это колдовство. И если тебя это обижает, меняй работу, пока никого не подставил. Понял?

Парень пристыжённо кивнул.

– А это, – Мьёл указал на записи, – воровские метки. Во-

ры такими помечают дома или ворота в неприметном месте и показывают своим, что место занято. Или уже общищено. Я до отдела убийств почти год в кражах работал. Встречал такие.

– Точно... – пробормотал Вьют.

– Кстати, про «качественно», – Мьёл обогнул стол и отдёргнул штору. – А ну пошли, повторно труп осмотрим. И не дуйся. Я тоже, когда меня до первого убитого допустили, думал, что всё знаю и сразу всё найду. А пару лет назад понял, что до сих пор учусь.

– А потом? – осторожно спросил парень. – По домам?

– По каким домам? – фыркнул Мьёл. – Ночь только началась. Потом точно на обыски пошлют. Да, именно ночью. Потому что Съят дело заводить не будет. У своего начальника спросишь, почему.

В прихожей чайной стояла сонная тишина, а за дальним столиком одиноко горела голубым пламенем колдовская свеча. Матушка Шанэ зажгла светильник, заперла дверь, стянула с головы платок, сняла пальто и снова прислушалась – но не к тишине, а к себе, к своим ощущениям. А оные указывали, что огонёк матушка зажгла не зря – нет, не зря.

– Ты здесь, – прошептала она, шурясь на свечу. – Но очень слаб. Слабее северных мёртвых, ибо слишком давно от родных песков оторван. И даже щепоти с собой не носил. Ты пока невидим и не можешь говорить, а силу не примешь, да?

Гордый. Страшно. Но ничего, чайная тебя напитает. А я подожду.

Матушка Шанэ вынесла из тайного коридора поднос, наполнила «призрачную» кружку чаем, красиво разложила по тарелкам печенье. Сходила к себе наверх за книгой и шалью, вернулась и устроилась за столиком с чашкой чая и «Легендами Древнего Севера».

Некоторых призраков лучше не торопить. Как бы ни пугал всех чужак, в теле несчастной женщины он способен долго продержаться без ущерба для неё. А вот грубое вмешательство в очень слабую душу, которая совсем недавно покинула тело, может нанести большой вред – вызвать шок и помешательство. Иногда тихое, но чаще буйное.

Нет уж, лучше потерпеть до утра и узнать всё, нежели поторопиться и не узнать вообще ничего.

От светильника и сквозняков на стенах дрожали тени. Из-за приоткрытых штор на пол лился снежно-белый свет. Мелодично тикали часы. И вился над чашкой терпеливый пряный дымок – матушка Шанэ, закутавшись в шаль, снова погрузилась в книгу и так увлечённо листала страницу за страницей, что забыла про чай. Как и про призрака.

Он бесшумно вышел из-за шторы – невысокий, сухоощавый, в надвинутом на лицо капюшоне и со слабым голубым свечением. Сел за стол напротив матушки и долго пил чай, набираясь сил. Колдовской чай, едва закончившись, снова наполнял кружку, и призрака это устраивало – он вспоминал

прошлое и обдумывал предстоящий разговор.

У матушки затекла спина. Шевельнувшись и поёрзав, она подняла взгляд от книги, заметила призрачную фигуру и удивлённо улыбнулась:

– Ты уже здесь? Какой шустрый! Зарэ, верно?

– Нет, мать, – прошелестел призрак. – Но тоже твой земляк. Всё расскажу. Всю правду. Только пообещай сначала.

– Что именно? – с готовностью спросила матушка Шанэ, закрывая книгу.

– Отвези меня домой, – попросил он. – На Юг. Прах к пескам. Не хочу здесь лежать. Холодно и сыро – никогда Север не любил. Отвези домой. И меня, и Зарэ. Всё взамен расскажу. Ничего не утаю.

– Так Зарэ тоже мёртв... – нахмурилась матушка. – А где он лежит, знаешь? Да? А в сыскной мертвецкой, выходит, ты вместо него? Хорошо, дружок. Обещаю.

– Тогда слушай, – призрак сильно сжал чашку скрюченными пальцами. – И верь, мать. Ни словом не совру, клянусь.

Звать меня Ивлэ. Родители мои на Юге... оступились, потому на Север и рванули. Спрятались. Меня родили. Но одного за другим прибрала их местная сырость, и я, десяти лет от роду, один остался. По соседству с нами тоже южане жили, а мы своих не бросаем – так они меня и подобрали, и при себе оставили. Но семья, мать, была большая. Жрать вечно нечего. Вещи старые. Сапоги дырявые. Так и затянула меня

тёмная тропка – сначала яблоко стащить, потом шапку, а там и до кошельков руки дошли.

Долгое время мне везло, пока я не залез в карман к вору поудачливей. Так я познакомился с Ньёдом. Он вообще, мать, не из бедных. Потому я вора в нём и не признал. А воровал он от скуки. Стало быть, развлекался так. Отца из его семьи увела в путь река Кипучая – он его раз в пять лет видел, мать вскорости другого себе нашла, а Ньёда приютил бездетный и обеспеченный дядя. Всё обещал ему оставить, если за ум возьмётся, но скитаться и воровать Ньёду нравилось больше. Тож, понимаешь, Кипучая в душе бурлила. А дядя сильно болел, весь в себе был. Увидит племяша поутру в приличной одежде – всё, значит, путём.

Так уж получилось, что задружили мы. Раз вместе на дело, два... А потом он предложил уже не карманы, а дом, и понадобился третий. Так к нам прибился Зарэ – он был из детей моих приёмных родителей. Хваткий, бесстрашный, дурной – как есть дурной, мать. Дурнее я не видывал. Ничего не боялся. А с ножом что творил... Но так и не признался, кто научил.

Ханви – хотя, мать, другое у неё имя, это она себе потом купила, когда завязала, – прибилась к нам сама. Умная девушка, хитрая. Её мать продавала себя направо и налево, а девочка болталась без дела. Так нас и заметила. Смекнула, что к чему, отловила как-то Ньёда и попросилась в шайку. Я, говорит, вам такие кошельки приводить буду... Моё де-

ло – завлечь и опоить, ваше – в указанной подворотне обернуть. А по молодости она видная была – высокая, черноглазая, смазливая. Уговорила, короче.

Вчетвером мы много чего творили и, мать, ни разу не попались. Как Ханви объявилась, так Ньёд очень внимательным стал – мы не работали подолгу на одном острове, часто за черту Семиречья на дело выбирались. И никогда не брались за богатеев. Нам-то троим что нужно было? Пожрать да новые сапоги. Мы и чистили почти всегда лавки, да чайные, да склады. И редко, когда они Ньёду надоедали, мелкий домишко. Ну и Ханви свои «кошельки» приводила.

А потом она же толкнула нас на то самое дело...

Сыскной архив Сьят знал лучше любого старожила – причём весь архив, потому как для разнообразия и о кражах с похищениями рассказы писал. Он быстро добрался до нужной комнаты с кражами тридцатилетней давности, и тут его настигло первое письмо – от Мьёла, со слепком лица убитого и описанием воровских меток на оном. А следом письма посыпались одно за другим – из регистрации, от Лу, из Городского архива, снова от Мьёла...

Сьят всё же успел просмотреть старые дела, понял, что шайка была или невероятно осторожна, или никогда не шла на серьёзные дела, и занялся письмами. И размышлениями.

Для начала убитый был не мастером Зарэ, но тоже пожилым южным мужчиной примерно того же возраста, а зва-

ли его Ивлэ. С мастером Зарэ, гордо сообщала регистрация, их связывала одна приёмная семья. Она же утверждала, что оба мужчины до недавнего времени числились бродягами и проживали в одном и том же приюте для бездомных «Старый причал», однако с год назад оба купили по небольшому домику и переехали по таким-то адресам. Работали оба в разных амулетных лавках, соответственно, по таким-то адресам. Причём оба как колдуны не регистрировались, даже как слабые.

Следом пришло настораживающее письмо от Лу. В регистрации он лично просмотрел дела известной троицы (дело Ньёда ещё не нашли, но обязательно отчитаются) и заметил, что Ханви зарегистрировала всего одна служащая, а это против правил. Заверять личность должны минимум трое. Плюс в её деле ничего нет о родителях и иных родственниках – ни слова: ни имён, ни адресов. То есть личность и имя Ханви определённо поддельные.

Следом отчитался Городской архив. Прислал ворох заметок о наградах Ханви и её заслугах перед городом, о веренице благодарных учеников и прочая, и прочая. Заодно предоставил заметку об Ивлэ: оказывается, убитый засветился в прессе, сумев восстановить древний и давно не работавший исцеляющий амулет, который лечил в три раза быстрее обычных, а на его основе создал новый и с теми же свойствами. Случилось это год с лишним назад (и вот откуда, подумал Сьят, у бродяги взялись деньги на дом).

А через полчаса написал Мьёл: мастер Зарэ отсутствует недели три – согревающие заклятья давно выдохлись, дом остыл, сад и крыльцо в снегу. Больше ничего интересного нет ни в доме, ни в саду. Дальше они с колдуном Лу («взял с собой, чтобы без дела не скучал и обучался») осмотрят дом Ханви – тихо и осторожно, следов не оставят, беспокоиться не надо. Не впервой.

Потом отчиталась регистрация – нашлось дело Ньёда. Пропавший оказался мужик. С детства бродяжничал и пару раз был пойман по мелочи на кражах еды. К юности вроде за ум взялся, даже школу худо-бедно окончил. Но потом получил наследство от дяди, промотал его в пять лет и снова оказался на улице. Имел крохотную комнатёнку в унылом гостевом доме на окраине Семиречья, однако был на все руки мастер, и к нему толпами шли чинить то, что ремонту не подлежало, – старинные часы, амулеты, артефакты. Всё после него работало – и все деньги Ньёд быстро и исправно проматывал.

Сьят сложил письма в папку, качнулся на стуле и задумался. А ведь Ханви тоже артефакты создавала и восстанавливала. Её сын ещё по малолетству разболтал, что словесность – не единственное увлечение матери. Она любит работать со старинными книгами, и ей везли их отовсюду. Причём приносили рассыпающиеся в прах листы с полустёртыми чернилами, а уносили книги в отличном состоянии, годные для чтения и не нуждающиеся в поддерживающем колдовстве. А

в деле Ханви не было ни слова, что она колдунья.

У всей четвёрки – способность к колдовству... Слабая (внезапная?), но явная. И это, кажется, ниточка – показался из клубка хвостик...

А ещё через час, когда Съят уже начал клевать носом над письмами и папками, Мьёл прислал ошеломляющее: дом Ханви неинтересен, зато в её саду, в дальних углах, закопано два трупа разной степени «свежести». Первый – пожилой северный мужчина, недельной давности смерть. Второй – пожилой южный мужчина, мёртв недели три. Оба без признаков насилия, но так странно скрючены, что, скорее всего, отравлены. А главное, могилы явно копал колдун – обе очень глубокие и одинаковых размеров. Ну и какие-то капли-следы он тоже заметил.

Ньёд и Зарэ?..

«Одна тварь убита, вторая убила и будет утоплена», – довольно заявил чужак.

Значит, Ньёд уверен, что его убили Ханви и Ивлэ. И таким изощрённым способом отомстил обоим. Но зачем тогда потребовал от сыскников правды? Чтобы они нашли трупы, доказательства виновности Ханви в двух убийствах и установили их мотивы? И доказательств, конечно, более чем достаточно: скрытые могилы, нож Зарэ... А если Мьёл по каплям-следам с могил сумеет выйти на колдуна, который прятал тела... Тогда вообще всё.

Или нет?

Нет, прежде надо всё-таки понять, что именно стащили (или за чем именно охотились) четверо молодых воров. Что мелким и осторожным (скорее всего) карманникам понадобилось в том особняке номер восемь на Пятом острове. И из-за чего они так ругались, что всплыло (очень кстати) имя Ньёда.

А ещё необходимо установить точные даты смерти обоих найденных в саду.

Ханви любила поездки – даже на соседний остров уехать и переночевать в гостевом доме ей было в радость. Она жила одна (с мужем разошлась, а дети выросли), и ей не хватало впечатлений. А кто, пока она в отъезде, присмотрит за огромной библиотекой, полной редких и дорогих книг? Только защита – и на особняке, и на ограде, и на воротах, и где-нибудь ещё. Чужаку даже в сад просто так не попасть. Да, любую защиту можно взломать – но лишь в отсутствие обитателей дома. А Ханви, насколько помнил Сьят, всегда, уезжая даже на два-три дня, отпускала прислугу – по причине крайней прижимистости. Зачем платить людям за те дни, когда они ничего не делают?

Сьят не особо понимал в колдовстве и защите, но на всякий случай попросил Мьёла проверить заклатья на ограде и воротах. Во-первых, были ли они взломаны и восстановлены, а если да, то сколько раз. Во-вторых, колдуны спокойно проникли и в сад, и в дом, то есть сейчас защита отсутствовала, и её надо вернуть – в доме много редкостей. А в-тре-

тых, он предложил колдунам дожидаться служанок и узнать, в какие дни хозяйка отсутствовала. Заодно и мертвецов изучить – установить время смерти. И после опроса прислуги (которая, конечно же, придёт) станет понятно, в отсутствие Ханви убили обоих или нет. Конечно, хозяйка могла отпустить слуг, чтобы обойтись без свидетелей и создать видимость своего отсутствия... но даты поездок и у лодочников уточнить несложно. Ханви – личность известная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.